

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЁТ

Поэтическая антология

Литературный фонд
«А В Г У С Т»

Барнаул
2010

ББК 84 (2Рос-Рус) 6–5
О–238

*Книга посвящается 65-летию
Победы нашего народа
в Великой Отечественной войне.*

Главный редактор –
В. Е. Тихонов.

Редакционная коллегия:
А. А. Карпов –
художественный редактор,
Г. Д. Колесникова,
С. Е. Клюшников,
В. М. Коржов,
И. Ф. Мордовин,
О. В. Тихонова –
выпускающий редактор.

Обратный отсчёт. Поэтическая антология.
ЛФ «Август», № 45. – 2010 г., 248 стр.

© ОАО «ИПП «Алтай», 2010

ISBN 978–5–88449–226–4

ОТОБРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ

– Скажи, родимый, будет ли война?
– Нет, говорю, наверное, не будет.
Николай РУБЦОВ

Победа во Второй мировой войне, а для нас – Великой Отечественной, добыта беспримерными подвигами на фронте и неимоверным трудом в тылу... А разве можно вот так – кратко?.. Нет. Потому и издана поэтическая антология «Обратный отсчёт». Неоспоримо велик вклад в Победу поэтов и композиторов, чьи песни уже не только «строить и жить помогали», но ещё выстоять и победить. Вот их строки: «Вставай, страна огромная...», «Бьётся в тесной печурке огонь...», «Я уходил тогда в поход / В далёкие края...», «Враги сожгли родную хату...», «Шумел сурово брянский лес...», «Мы запомним суровую осень, / Скрежет танков и отблеск штыков...», «Расцветали яблони и груши...», «На позиции девушки / Провожала бойца...», «...Так что ж, друзья, коль наш черёд, / Да будет сталь крепка!...», «Ночь коротка, / Спят облака...», «Горит свечи огарочек, / Гремит недальный бой...»... А были ещё и вдохновенные стихи: «Жди меня, и я вернусь, / Только очень жди...», «Я убит подо Ржевом...», «Когда на смерть идут – поют...», «Его зарыли в шар Земной...», «В полях за Вислой сонной...»...

Для данной антологии мы выбирали не авторов, а написанные в разное время талантливые стихотворения, объединённые одной темой – ужасы и страдания, поражения и победы в Великой Отечественной войне. Из воспоминаний фронтовиков, из школьных уроков истории и литературы, из кинофильмов мы знаем об ужасающей гибели миллионов людей, о колоссальных разрушениях... Отображение войны в художественной литературе и мемуарах, в скульптурах и мемориалах уже 65 лет является частью нашей жизни.

*Помните! Через века, через года –
помните! О тех, кто уже не придёт никогда...*

Это невероятное по силе воздействия заклинание своих современников и грядущих поколений Роберта Рождественского – лауреата Государственной премии, нашего земляка – из поэмы «Реквием». Строки из неё отлиты на плитах скорби в мемориалах городов и сёл нашей страны.

Ещё один наш земляк – чудо-богатырь, Герой Советского Союза поэт Михаил Борисов. Он из тех, кто решительно повлиял на исход Курской битвы, кто бесповоротно повернул фашистские полчища в их логово. Он (не просто 19-летний паренёк, а гвардии сержант артиллерии!) за восемь-девять минут жесточайшего боя под ставшей знаменитой Прохоровкой в одиночку подбил семь чудовищных «тигров»!.. После этого боя он был внесён в список личных врагов Гитлера. Умер Михаил Фёдорович Борисов 10 марта сего года. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище...

И это лишь фрагменты из славных биографий двух авторов нашей антологии. Соратниками по войне, собратьями по перу и земляками-сибиряками Михаила Борисова являются Александр Гусев, Василий Волох, Борис Кауров, Николай Михеев, Григорий Чариков, Виталий Шевченко и Марк Юдалевич, а согражданами, собратьями и земляками Роберта Рождественского являются все авторы «Обратного отсчёта», рождённые до и после войны.

Предисловие к такой книге должно быть кратким. Не надо цитировать стихи представленных в ней авторов, их надо читать сразу – в полном объёме, воспринимать сразу – во всей необытности контекста и подтекста. И всё-таки предисловие – важная составляющая книги, встречающая и настраивающая читателя. Посему лишь уведомим: в поэтической антологии «Обратный отсчёт» представлены произведения поэтов Алтайского края, состоявших и не состоявших в Союзе писателей России, широко известных и малоизвестных, представляющих разные поколения...

Это издание, осуществлённое по решению Совета общественной Алтайской краевой организации Союза писателей России и при поддержке администрации Алтайского края, – благодарный поклон земляков всем ветеранам и павшим в боях за светлое будущее грядущих поколений соотечественников. В книге не просто стихотворения, а глубоко осмыслиенные и непосредственно прочувствованные поэтические произведения о военной поре, память о которой неизбывна и свята

Перечитывайте и храните эту книгу. И помните...

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

Николай БАЖАН

СОСЕД

Н. П. Афимченко

Спрошу –
и сердце вдруг замрёт,
как будто в чём-то виновато.
А он, задумавшись,
вздохнёт:
– Да, было,
воевал когда-то...

Израненный,
совсем седой,
коснётся моих плеч рукою.
И я сродняюсь
с его бедой,
что станет и моей бедою.

Николай БАЙБУЗА

В БЕРЛИНЕ

Я рубли обменял на марки,
чтоб увидеть, как, рыча,
ветер Запада в Трептов-парке
лижет лезвие у меча.

Я немецкие розы на плиты
положил, унимая дрожь,
где в шинелях, по-русски сшитых,
золотая легла молодёжь.

Фрау Лоте в Равенсбрюке
за Рот-фронт целовал я руки.
Немка вежливая седая
мне рассказывала про СС...

И тянул за мной до Алтая
тень свою равенсбрюкский лес.

Надежда БАЛАКИРЕВА

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Он был безымянный, солдат-пехотинец,
Как тысячи павших на этой земле.
Когда он погиб под деревней Овинец,
Его склонили на ближнем холме.

Он долго лежал на обочине тракта,
И плоть земляникой росла из земли,
Но подняли люди солдата из мрака
И к братской могиле его понесли.

Останки прикрыли льняною холстиной,
Лежал в изголовье еловый венок,
Темнели над тесной его домовиной
Подмётки нетленных солдатских сапог.

Так медленно шла осторожная лошадь,
Как будто бы знала про кладь позади.
И молча ждала деревенская площадь
Солдата с плёнёною пулей в груди.

И память войны прступила на лицах,
Как если бы их осветила гроза,
Когда у солдата в землистых глазницах
Сквозь прах прорастали живые глаза.

И плакали вдовы, и замерли дети,
Забыв в этот памятный час про игру.
Старик, на завалинке вяжущий сети,
Снял шапку и долго стоял на ветру...

Но коротко было свиданье с живыми,
И майское солнце на запад пошло.
Он вместе с другими, он шепчется с ними:
Он был наверху – как ему повезло!

Владимир БАШУНОВ

22 ИЮНЯ 1975 ГОДА

1

И завтра – тоже воскресенье.
И то же самое число.
Не спится – лёгкое волненье
в бессонницу переросло.

Не спится.
Штору приоткину,
взгляну в окно и там, в окне,
увижу тихую картину
при ясном небе и луне.

2

Июньской ночи красота.
(Осталось три часа.)
С отяжелевшего куста
срывается роса.

Но кажется: напряжены
земля и небеса.
И хрупок образ тишины.
(Осталось два часа.)

Вторые петухи поют.
(Осталось пять минут!)

И на миг
замер мир.

Застыли:
капля на стебле,
лай пса,
сорока на крыле,
черёмуховый сад.

Дрожь прокатилась по земле,
как много лет назад.

3

Светает.
Вот уж ветеркам
не терпится лететь куда-то.
Вот время выйти пастухам...

Вот постучат
и скажут: «Вам
повестка из военкомата».

Фридрих БОЛЬГЕР

Я НЕ ЩАДИЛ СЕБЯ

Уже ребёнком я хлебнул с лихвою.
Над колыбелью маялась нужда.
Из дома в дом она брела за мною.
Краюхой хлеба грезил я тогда.

Потом орда коричневым разбоем
Отчизну жгла, всё руша на пути.
Завод сибирский был мне полем боя,
Я должен был то поле перейти!

Всё вынести, преодолеть, осилить,
Через завод, как через фронт, пройдя.
Я знал, что сердце строя не покинет,
В труде не сможет пощадить себя.

Да, я не брал ни Бреста, ни Варшавы,
Но верил: и на мне есть отблеск славы.

Перевод В. Шевченко.

ПОЮЩИЕ ЛОШАДИ

*В Бухенвальде есть большая тачка,
брошенная здесь она стоит,
потихоньку мучаясь и плача,
чувствуя раскаянье и стыд.*

Тысячи проходят перед нею,
спотыкаясь взглядом об неё,
и она от страха каменеет,
вспоминая прошлое своё.
В человечий рост её колёса.
Тяжелы они, как жернова,
на оси потёртой стали косо,
словно бы и держатся едва.
Но прочна костями колымага
и для пыток всё ещё годна...
В ком-то вызывает же, однако,
одобренье тайное она?
...На неё иссохшими руками
под издёвки сытых палачей
узники наваливали камни
и не знали – вечным будет чей...
В колымагу их потом впрягали,
заставляли марши хором петь
и под страхом смерти в гору гнали,
где умолкших ожидала смерть.
Трупы их сжигали. Дым клубился,
воскуряясь, таял на глазах.
На поля Тюрингии ложился
охладевший прах...
И не спит ночами колымага,
о «поющих лошадях» молчит,
и в душе её под кровом мрака
пепел

всех замученных кричит.

Перевод В. Соколова.

Михаил БОРИСОВ

* * *

Всё позади –
земля
в огне и дыме,
Последний, самый трудный переход.
... Четвёртый день
Просторами обскими,
Вздыхая, полз колёсный пароход.
Берёзами,
что помнятся доныне,
У старого отцовского плетня
Да горько-сладким запахом полыни
Опять встречает молодость меня.
Опять закат за редким перелеском
На поседевших прядях ковылей
Заполыхал
взволнованно и резко
Полузабытым заревом огней.
А я смотрел –
И виделись невольно
Недавние и давние бои...
А где они, товарищи по школе,
Отчаянные сверстники мои?!
Мальчишеская шумная ватага...
Багровым шрамом дрогнула щека.
И вся война
от Волги до рейхстага
Нахлынула опять издалека.

* * *

Представь себе хотя бы на мгновенье –
Матросов жив!..
Он без пустых обид
Простит живым
и робость,
и сомненья,
Но подлости
И мёртвым не простит.
А тот,
кому сейчас пришла охота –
Из доброты-де! –
всё и вся простить,
Пусть сам прорвётся,
как Матросов,
к доту
И с тех высот попробует судить.

* * *

Мне бы кричать об этом –
Облик далёких дней
Ярким
И жгучим светом
Бродит в груди моей.
Вижу – ползёт пехота.
Трудно.
За пядью пядь.
Словно парням охота
В землю
Всё тело вжать.
Нас не разделят с ними
Тысячи тысяч вёрст,
Кто-то из них
Поднимет
Сердце своё до звёзд,
Кто-то упрямо встанет
Снова
На страх врагам...
Молодость наша с нами.
Время подвластно нам!
Космос почти облётан.
Но и к нему
Опять
Где-то ползёт пехота –
Трудно.
За пядью пядь!

* * *

Сорок третий
Горечью полынной
На меня пахнул издалека –
Чёрною,
Обугленной равниной
Видится мне Курская дуга.

«Тигры» прут,
По-дикому упрымы,
Но почти воочью
В трудный миг
Прямо к окуляру панорамы
Сам народ
Со мной уже приник.
Громыхнуло
Сразу на полсвета.
Танки,
Словно факелы, горят...

Нет, не зря живёт во мне
Всё это
Три десятилетия подряд!
Те бои –
Как мера нашей силы,
Потому
Она и дорога,
Насмерть прикипевшая
К России
Курская великая дуга...

* * *

Переправа.

Сорок пятый год.
Отгремел и замер где-то бой.
А настырный вражеский пилот
Всё ещё кружился надо мной.
Упиваясь выучкой своей,
Он сужал

и стягивал кольцо,
И я видел ясного ясней
Дерзкое до наглости лицо.
Мне б себя
вдавить

в земную твердь...
Раз в живых остаться не дано,
Всё равно,
какая будет смерть.

Всё равно?!
Совсем не всё равно!
И хотя, казалось, небосвод
Был разорван,

исковеркан,
смят,
Но в чужой ощерившийся рот
Бил осатанело автомат...
Догорел во ржи фашистский ас.
Только на дороге фронтовой
Мне потом припомнится не раз
Тот

у переправы
давний бой.
И тогда беде наперехват,
Что опять
Как коршун закружит,
Снова безотказный автомат
Чётко и прицельно простучит.

* * *

Память с нами не играет в прятки,
Не уходит вдаль
На вираже.
...Слышу, как гремят сорокапятки
На зажатом в клещи рубеже.
Мы их называли «Смерть расчёту!»,
Называли «Родина, прощай!»,
Прикрывая матушку пехоту,
Сами выживали невзначай.
Среднею излучиною Дона
В корчах плыл подбитый небосвод,
Из артиллерийского заслона
Уцелел под вечер только взвод.
Степь вокруг снарядами прошита,
Светится насквозь,
Что решето.
Даже мой наводчик Подкорытов
Не сказал, как раньше:
– Прожито!
У него – две беленькие прядки,
У меня – застывший в крике рот...
Двое нас на две сорокапятки.
Он и я – весь уцелевший взвод.

* * *

*«Вы к нам не придёте,
Потому что мы к вам пришли».
Надпись, сделанная в мае 1945 года
на одной из колонн рейхстага*

Последние метры – последняя ярость.
Пехота встаёт,
подавляя размахом.
Знамённого шёлка весёлая алость
Уже заиграла над бывшим рейхстагом.
«Вы к нам не придёте...» –
Писали ребята
На чёрной
разбитой скуле цитадели,
А сами, как будто любуясь наградой,
На эту горящую надпись глядели,
А сами острой,
как в лихую минуту,
Недобрые вёrstы свои вспоминали
И, словно врачуя душевную смуту,
Под вечер тайком начищали медали.
И хором
в притихшем надолго Берлине
О самом заветном уверенно пели...
Для них,
Как награда,
Горит и поныне
Та фраза на чёрной скуле цитадели.

* * *

Отпусти меня, боль,
Опоздай ко мне, смерть,
Дайте песню допеть.
Только песню допеть.

Пусть не знает никто,
Что я навзничь упал, –
Это просто привал.
Мой последний привал.

Я смогу и теперь
Свой рубеж удержать,
Славя Родину-мать –
Нашу Родину-мать.

Отпусти меня, боль,
Опоздай ко мне, смерть,
Дайте песню допеть.
Только песню допеть.

В ней опять прозвучит,
По-земному груба,
Боевая труба.
Боевая труба!..

1

Вы со мною, скептики, не спорьте,
Я упрям, как тысяча чертей.
Годы,
 проведённые на фронте,
Были академией моей.
Помнится, в палатке медсанбата
Видел сам под высоверки зарниц,
Как,
 подкравшись,
 грозно на солдата
Смерть скосила впадины глазниц.
Не терплю поныне байки эти,
Что ей власть всесильная дана,
Что для всех
 владыкою на свете
Воцарилась именно она.
Кто сказал – «владыкою»?
Не верьте!
В наше время
 ей не повезло.
Тот солдат шагнул уже
В бессмертье
Всем смертям и скептикам назло.

В ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Бывало не раз –
В гарнизонах глухих
Поэты
 солдатам
Читали стихи.
И вот уже зал
Напряжённо притих...
Что скажут
Сегодня они
 о моих?
Поэт и солдат,
Я волнуюсь вдвойне,
Читая ребятам
Стихи о войне.
Как мы,
 отходя
В сорок первом году,
И ели,
 и спали порой
На ходу
И как на просторах
Приволжских степей
Долбили суглинок
Для павших друзей.
Читаю
 и вижу
По взглядам ребят,
Что рядом со мной
Побратимы стоят,
Готовые спорить
И спорить с судьбой
И, если придётся,
Вести
 за собой.

А прямо из зала,
Молчанье храня,
Их светлая юность
Глядит на меня.
Для юности этой
Звучат в тишине
Присягой
на верность
Стихи о войне.

Геннадий ВОЛОДИН

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Ничего не случилось...
Просто солнце взошло.
Просто капля скатилась
По стеклу тяжело.
Просто птица-синица
Затетенькала вдруг.
Просто песня-денница
Зашагала на луг.

Ничего не случилось...
Просто что-то сосед,
Лишь заря просочилась,
Свою трубку сосёт,
В небо смотрит с опаской,
Что-то тихо бубнит
И с удвоенной лаской
На внучонка глядит.

Ничего не случилось...
Просто что-то вдова
В этот час загрустила,
Позабыв о словах,
И стоит молчаливо,
Теребя свой платок,
Словно грустная ива
У развилки дорог.

Ничего не случилось...
Просто охнула ель.
Просто где-то точило
Зазудело, как шмель.
Просто синь под горою
Тронул ветер-шалун.
Просто двадцать второе.
Просто знойный июнь.

ВЕТЕРАНЫ

Не клялись, не говорили
Зажигательных речей.
Постояли. Покурили
Возле памятных ключей.

Обнялись. Расцеловались,
Как пред боем. И тогда
Каждый понял – расставались
Эти люди навсегда.

Страшно, аж мороз по коже!..
Лишь звенели ордена...
Каждый день убить их может
В них живущая война.

Василий ВОЛОХ

ПОСЛЕ БОЯ

Лишь час назад был шквал огня,
Лавина яростной атаки,
А счёт смертям вела броня
И гусениц стальные траки!..

Ещё стеной дымы встают.
Ещё пожары полыхают.
А здесь, у рощи на краю,
Разгорячённые в бою,
Как боги, танки отдыхают.

На косогоре близ села
У догорающей машины
Лежат эсэсовцев тела,
Живьём впрессованные в глину.

А мы, едва окончив бой
И матерясь напропалую,
Болотной рыжею водой
С брони смываем кровь чужую.

1

*Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
Константин Симонов*

В тот горький час, хоть были по соседству,
Мальчишке я ничем помочь не смог –
Не мог спасти расстрелянное детство
На перекрёстке фронтовых дорог.

С тех пор прошло уже полвека с лишком –
Неудержима времени рука...
А мне нет-нет да вспомнится мальчишка
С игрушкой
 в забинтованных
 руках.

Алексей ВЛАСОВ

МОЙ ДЕДУШКА

Шепчет бабушка мне у плиты обелиска:
«Вот и дедушка твой, самый первый по списку.
Вот и дедушка твой со своими друзьями.
Поздоровайся с ним, хоть и нет его с нами...»
Он за правду погиб – он сражался с врагами.
А могли бы сказать: «Повезло его маме».
А могли бы сказать: «Повезло его детям –
Не погиб на войне, жить остался на свете».
Он стоял бы сейчас, поправляя медали.
Он стоял бы живой, не из бронзы и стали.
Говорил бы он мне: «Веселись, моя внучка,
Солнце жизни твоей не закатится в тучку.
Солнце жизни твоей будет добрым и ярким.
Не закроют его самолёты и танки,
Не изранят штыки ни один его лучик,
Не оступят снега, принесённые тучей...»

Шепчет бабушка мне у плиты обелиска:
«Вот и дедушка твой – самый первый по списку...»
Вот и дедушка мой со своими друзьями.
Я здороваюсь с ним, хоть и нет его с нами...

Я – СОЛДАТ!

Нет памяти достойней на Руси,
Чем память о Победе в сорок пятом.
У нас любую бабушку спроси,
Она вам скажет: «Я – вдова солдата».
Ещё расскажет, как неравный бой
Вёл муж её с фашистом-супостатом
Под Сталинградом или под Москвой,
Оставшись в вечной памяти солдатом.
Как был конверт к лицу её прижат,
А сын, что ростом меньше автомата,
Сквозь плач кричал: «Я сам теперь солдат!
Ты, мамка, отпусти меня в солдаты!..»

...С тех пор прошло уже так много лет,
Что дети той войны дедами стали.
Но снова вместо книжек и газет
Их внуков ждут посмертные медали.
Нет города такого на Руси,
Медвежьего угла, убогой веси,
Куда бы самолёт не заносил
Тяжёлый груз со страшной цифрой «200».
Салюты над могилами гремят –
Хоронят мужа, сына или брата...
Но шепчет русский мальчик: «Я – солдат!
Ты, мамка, отпусти меня в солдаты».

* * *

Николаю Аксёнову

А деды наши не поют.
Они давно своё отпели.
Отвоевались как умели,
В сырой земле нашли приют.

И всё же души их живут
На небесах, как серафимы,
И верится – лишь часа ждут
Напомнить, что необходимы.

И впрямь, когда салют гремит
И в скорбный час поминовенья,
В нас воскресает и звенит
Неповторимое их пенье...

Мария ВОРОБЬЁВА

ТАНЦПЛОЩАДКА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Ах, танцевальная площадка!
Щербатый, с дырами настил...
Хрипит забытая трёхрядка,
Страяясь из последних сил.

Момент общенья – как он дорог!
Воспоминанья дней былых...
Здесь вечер тех, кому за сорок,
А если проще, пожилых.

Но в май выстреливают почки,
И где уж тут до тишины!
Мелькают белые носочки,
Как у девчонок до войны.

Со стариков и взятки гладки:
Простится им и этот грех.
Танцуют вдовы и солдатки,
А кавалер – один на всех.

ЛЕБЕДА

Мне горе – не горе,
Беда – не беда.
Стоит, как в дозоре,
Трава лебеда.
Не то чтоб убога –
Уж очень проста,
Рассеяна Богом
По зрящым местам.
Заметит седые
Листки не любой.
Обходят её
Травники стороной.
Пускай не заметят.
А я постою
И детство припомню,
И юность свою.
В войну, в 43-м
Голодном... Тогда
Спасала от смерти
Меня лебеда.

Николай ГАЙДУК

ДОВОЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Всё хорошо, светят ясные зори,
Тихие тени в оврагах лежат...
Что ж эти кедры и звёзды в дозоре
Даже при тёплой погоде дрожат?

Что-то им чудится, что-то, конечно,
Ох невесёлое помнится им!..
Дети играют – над крепостью снежной
Белые ядра и сахарный дым.

В небо посмотрит мальчишка тот смелый:
Крестик игрушечный – звук ножевой!
След реактивный, как заиндевелый
Провод, – гудит и гудит над землёй!..

Красную лунную прорубь морозит.
В доме гераневый запах весны.
Старый портрет, где смеётся матросик,
К нам не доплыvший с последней войны...

Ночью ударит снегами по ставне
Или откроют калитку ветра –
Старая женщина вздрогнет и встанет
И простоит у окна до утра.

Что-то ей чудится, что-то, конечно,
Ох невесёлое помнится ей...
А иногда что-то нежное-нежное,
Словно под сердцем поёт соловей!

И ненадолго мечта улетает –
В юные годы, в иные миры...
В горнице горько и свято светает
Милый портрет довоенной поры.

Всё хорошо, светят ясные зори,
Тихие тени в оврагах лежат...
Что ж эти кедры и звёзды в дозоре
Так безутешно дрожат и дрожат!..

ФРОНТОВИК, ПОХОРОНЕННЫЙ ЗАЖИВО

Никогда я в жизни трусом не был,
А теперь боюсь, кричу во сне...
Снова снится бой под низким небом,
Где кусок свинца достался мне!

Там, в седых полях под Старой Руссой,
В мясорубку танковых атак
Кто с гранатой шёл, кто с матом русским,
Ну а кто бежал и просто так...

Вот опять ощерились «пантеры»
И весь воздух воет, как в тоске!
И в душе уже ни капли веры,
И ни капли силы в кулаке!

Только я ползу наперекор им –
Обломать железные клыки...
Мы ещё посмотрим, мы поспорим!
Есть ещё в России мужики!..

А потом рвануло под ногами –
Голова в кустах, а грудь в крестах!..
Мать моя! Ах, мама дорогая,
Вот когда закрался в душу страх!..

Я ползу в полях под Старой Руссой,
А за мной ползёт худая весть –
Жил да был весёлый парень русый,
Жил да был, да вышел, братцы, весь...

.....

Ночь темна, как тёмная воронка,
До утра в деревне тишина.
Под стеклом желтеет похоронка,
И вздыхает сонная жена.

Виктор ГАЛКИН

**ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ
РОДИВШЕГОСЯ В 42-М**

ТРИПТИХ

1

По ночам
в бабушкином доме
с тесовой крышей,
изъеденной мхом,
слышно было,
как далеко в неизвестную даль
идут гулкие поезда.
Однажды один из них
убил бабушку корову-кормилицу.
Дождь лил как из ведра...
А утром было вёдро.
Я не видел,
как плакала бабушка.

2

От неба до реки
всего лишь улыбка,
которую не могу вспомнить.
И недалеко
от утра до утраты.

3

Посвистывает ветер, как птицы.
А птицы, как ветер,
проносятся мимо.
И только пуля,
угодившая в сердце,
лежит себе тихо.

Александр ГУСЕВ

ВЫСОТКА

Майским солнцем комната нагрета,
Тёплый ветер штору приподнял.
Вынул из потёртого планшета
Карту, по которой воевал.

Кажется, она меня старее,
В двух местах её пробил металл.
Вспомнил, как в захваченной траншее
Взятую высотку отмечал.

Кровью показалась точка эта
Тех погибших в том бою бойцов...
Вижу: стелет пулемётчик строчки,
Побелело у него лицо,

Вздрагивают губы восковые,
Близко рвётся вражеский снаряд.
И ползём мы, как полуживые,
А вокруг кипит кромешный ад.

Добрались до огненной высотки.
Снова заработал пулемёт...
И сквозь грохот, надрывая глотку,
Я опять командую: «Вперёд!..»

* * *

Он лежал, зажимая раны,
Собирая остаток сил.
Танк со свастикой шёл упрядо,
По окопам из пушки бил.

Бой ещё не стихал с рассвета,
Резал душу снарядов свист.
Весь израненный, у лафета
Приподнялся артиллерист.

И, казалось, остатком жизни
Грянул пушки горячий ствол.
Дрогнул танк и огнями брызнул,
Дым густой, как смола, пошёл.

Лёг солдат, словно стал глядеться
В голубой между туч клочок...
Всё мне кажется: своим сердцем
Этот танк он тогда поджёг.

* * *

Будь проклята разведка боем!..
Земля вставала на дыбы,
А мы являли там собою
Мишень для яростной стрельбы.

Иди – твоё святое дело,
Чтобы огонь врага засечь,
Своё истерзанное тело
Сумей лопаткой уберечь.

К врагу чем ближе, тем сильнее
Сбивал огонь нас на ходу...
И отползали мы к траншеи,
Как побывавшие в аду.

ТАНКИСТЫ

Рванулись танки с марша напролом.
Скребли броню бессильно пулемёты,
Охваченные пылью и огнём,
Захлёбывались вражеские дзоты.
Земля кругом фонтанами рвалась,
Казалось, в ней сплошные были мины,
И, выжимая до предела газ,
Танкисты гнали яростно машины.
Врага сшибая, помнили они:
Не дать ему залечь и оглядеться!..
Решает бой не толщина брони,
А за бронёю бьющееся сердце.

МАМЕ

Ты дала мне первое дыханье,
Первый трепет, первый сердца стук,
И любовь, и всё своё вниманье,
И тепло, и нежность умных рук.
А когда ходить пора настала,
Я упал, запнувшись в первый раз.
Мой ушиб к губам своим прижала,
Вытерев слезиночки у глаз.
Кто же сосчитает все тревоги,
Что тебе невольно я принёс,
По военной уходя дороге,
Где фонтан земли до неба рос,
Где меня и пули, и снаряды
Так искали...
В пламени огня
Ты была всегда незримо рядом
И от смерти прятала меня.

* * *

Траншея, взрытая снарядом...
За речку откатился бой.
С разбитым пулемётом рядом
Солдат к земле припал щекой.
Застрали в золотистых прядях
Комочки ссохшейся земли.
В кармане, в согнутой тетради,
Мы к девушке письмо нашли.
Его неспешно начиная,
Разборчиво писал слова:
*«Весна здесь ранняя такая –
Уже на бруствере трава.
Живу тобой, храним тобою,
И потому минует смерть –
Снаряд прошёл над головою,
А скоро здесь земле кипеть».*
Письмо в руках мы подержали,
Край оторвав, чтоб спрятать кровь,
И адресату переслали –
Ведь в нём ещё жила любовь.

В ПОЛЕ

Могила в новом и простом уборе,
Стоит над нею
 тополь молодой,
Кругом шумит,
 не умолкая, море –
То плещет рожь тяжёлою волной.

Здесь те,
 что грудью поле защитили,
Не сдав врагу родные рубежи.
Как бронзовый
 сияет на могиле
Большой венок
 из колосистой ржи.

* * *

Мы потому не носим ордена,
Что это дело вовсе не простое,
Что нас и так преследует война
И первый бой

нам не даёт покоя.

Он наяву, он с нами и во сне,
Когда уйдёт – никто того не знает.
Мы помним всё.

И память о войне
Глубокой болью сердце задевает.

Евгений ЕРМАКОВ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Диптих

1

Стреляет памятью войны
В виски и грудь
Солдат вчерашних...
Их боевые ордена
Горят на солнце –
Лица павших...
Ты, современник мой,
Внемли!..
Не их ли яростные крики
Из окровавленной земли
Летят,
Как красные гвоздики!..

2

Героям подлинной Победы
Я поклонился до земли –
Приняв на сердце боли, беды,
Они весь белый свет спасли.
Они и смерть остановили
У страшной огненной черты!..
И в небе ангелы трубили.
И были лаврами цветы.

Леонид ЕРШОВ

* * *

Победа!
Бравурные марши
На всё село,
Поля, окрестный лес...
Домой с войны
Не возвратился старший,
А брат другой
Привёз с собой
Протез.
Блестящие ремни
На нём скрипели,
Сверкала неестественно
Рука...
А мы впервые
Досыта поели –
Был вкусным хлеб
Военного пайка.

Иван ЖДАНОВ

ГОРА

Гора над моей деревней: возле неё погреться
память не прочь, как будто это коровий бок.
С вершины этой горы видно другое детство,
или, верней, преддетство, замысел между строк.

А это была война. Подколодное мясо ядом
пёрло, жуя страну, множилось, как число.
Одно из моих имён похоронено под Ленинградом,
чтобы оно во мне выжило и проросло.

Значит, и эта гора, честной землёй объята,
уходит в глубины земли, ищет потерянный дом.
И, как битва, сверкает на ней роса под рукою брата,
роса молодой травы, беспечный зелёный гром.

За горизонтом порой исчезает Медведица – это
смещается ось Земли, вопрошают и тварь и дух:
– Куда провалился злак, путеводный подросток света?
– Где неба привычного лик, из каких вырастает прорух?

Где неба привычного лик? Творцы Вавилонской башни
искали его вверху, не чаяли, как обрести,
и метили с ним срастись, сравняться плотью всегдашней,
а выпало растеряться, себя и его низвести.

Теперь, пролетая над местом, где когда-то башня стояла,
птица может забыть, зачем и куда летит,
дождь исчезает в себе, и, выросшая как попало
до сотворения мира, не дрогнув, трава стоит.

Есть бремя связующих стен, и щит на вратах Царьграда,
прообраз окна Петрова, сияет со всех сторон.
Но след Вавилонской башни зияет беспамятством ада
и бродит, враждой и сварой пятная пути времен.

Тот, кто построил «ты» и стал для него подножьем,
видит небесный лик сквозь толщу стен и времён.
Брат идёт по горам, становясь на тебя похожим
всё более и больней, чем ближе подходит он.

Геннадий ЖИРОВ

* * *

Мне дни войны запомнились немножко:
Как маму в шутку звали Комполка;
Ещё запомнил, что у нас картошка
Рождалась в три мужицких кулака.
Лишь много позже, вспоминая с лаской,
Как та картошка на плите пеклась,
Я сделал вывод: наша «красноглазка»,
Выходит, тоже с Гитлером дралась.

* * *

Я с мамой напросился на базар.
(На первый год после войны, однако.)
Уж так нам недоступен был товар,
Но я за юбку мать держал и плакал.

А мать была настолько молода,
Что тут бы и богини оплошали!
К тому же я не видел никогда
И ни на ком такой красивой шали!

Она проходит из конца в конец,
А я при ней в голубеньких штанишках.
В руках моих, как счаствия венец,
Хрустящая капусты кочерыжка!..

Но тут не о базаре разговор.
Мне просто на досуге размечталось.
Наверно, потому, что до сих пор
То ощущенье праздника осталось.

Ольга ЗАЕВА

ОТЕЦ

Что б я ни говорила о войне,
о ней я знаю только понаслышке.
Но даже это

было больно слишком
и заставляло сердце леденеть.

Мне повезло – я после родилась.
Отец пришёл живым.

И в день Победы
он пил из кружки водку за обедом
и пел, как плакал,
тихо матерясь.

И кроме всех заслуженных наград
носил в себе осколки
до кончины,
считал себя виновным без причины
за то, что жив
и что пришёл назад.

Александр ЗУЕВ

ПОД МУЗЫКУ ОРКЕСТРА

Под музыку оркестра духового
Уснули пацаны на тёплых крышах.
(Она играет в городском саду...)
О! Я об этой музыке наслышан!
И мне о ней рассказывают снова,
И я с чужою памятью бреду
По тем годам, цепляюсь за предметы,
Ныряю в незнакомые дворы,
Где спят десятилетние поэты
На крышах довоенной – той – поры...

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ДЕТСТВА О СОЛДАТСКОМ КУЛЕШЕ

Дедушка Пашки Примерова
Был нам – по детству – пример!..
Сгинуло то – пионерово,
Как светлячок в мураве...

Что же осталось за дымкою? –
Сад да солдатский кулеш,
Стол под весёлой рябинкою...
Вволю работаешь – ешь.

Строг дед у Пашки! Толковый!
Тот ещё дед – фронтовой!
Наши-то сгинули... Кто вы?
Нет их... А этот – живой.

Всех разобрал по ранжиру,
Всем – по заданью... Вперёд!
Сам не присел... Вот двужильный! –
Сталинской ковки народ.

ЧИТАЯ ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

1.

Людей, которых нет, ушедшие следы...
До ниточки, до зёрнышка золотого
Уйдёт в напев таинственное слово –
Вновь оживут отцветшие сады...
И слово их – со мной –
Вновь оживёт в ночи:
Невзгоды их, и жалобы, и стоны,
И сны лихих годин,
Последний вздох на взлёте...
«Ах, дети, мои дети, Господи!..»
Последнего письма
Прощальный вздох – живым...

2.

Я письма прочитал фронтовиков,
Иные пробежал глазами,
Другие я в тетрадь переписал,
Чтоб слово в слово,
Как свечей дыханье,
Слова, что к нам
От сердца к сердцу шли.
Они теперь – история в конвертах...
Бумага сохранила... Время, время!..
Не остановишь времени теченье.
...Неумолимо время! Сколько слёз
Пролили вдовы, вечность поджиная,
Но так и не дождались вас с войны!

3.

Уйдут поколения,
И многие вещи станут непонятны.
И вот эти безмолвные свидетели –
Письма с фронта –
Разъясняют нам многое,
Окунают нас в то грозовое время...

Как трудно вернуться оттуда –
Из писем военной поры –
На греческую землю
Столетья другого,
Как будто с планеты другой,
Где горе и радость
Почти нераздельны
И вплывлены в явь.
И год 41-й, и год 45-й –
В победных боях...

Февраль 2007 г.

Владимир КАЗАКОВ

СОЛДАТЫ ОСТАЮТСЯ НА ВОЙНЕ

Солдаты остаются на войне.
Помимо воли.
Памятливым сердцем.
И никуда от этого не деться
ни в дни страды,
ни в праздной тишине.
Солдаты остаются на войне.
Тревожно это
или не тревожно,
но призывает память
каждый год
одних – под Вязьму,
а других – под Кожино,
а дядю моего –
на волжский лёд,
чтоб снова
припадать за пулемёты,
брать приступом
и не сдавать высоты,
вгрызаться в землю,
зарываться в снег
и на расхристанных
путях-дорогах, застряв,
шерстить в сердцах
не только Бога,
но и старшин своих
наедине.

Солдаты остаются на войне.
Не потому ль
и ветер пахнет порохом,
блестят свинцово
капельки росы,
и тишина
полна неясных шорохов,
и берег –
граница нейтральной полосы.
И в каждом стуке,
в каждом скрипце ставня,
в полоске света,
в лезвии луча
встаёт зарубцевавшееся, давнее,
берёт за горло,
впору закричать:
– Солдаты остаются на войне!..
Опасно это
или не опасно,
но сердце,
вдруг споткнувшись, зачастит,
когда о журавлях,
зовущих властно,
Бернес
душевным голосом грустит.
И память вновь
лежит за пулемётом,
бьёт из орудий
по чужим высотам!
Земля и небо плавятся в огне!..
И кулаки сжимаются до хруста,
и на душе,
как после боя, пусто...
Солдаты остаются на войне.

САНОЧКИ-САЛАЗОЧКИ

Диптих

1

Саночки-салазочки,
ноги калачом.
Не глаза – буравочки,
вьюга нипочём!
Крест-накрест лямки,
в руках «пистолет».
– Берегись!.. Я – мамкин!
Папки – нет!
Ждать его напрасно –
Сражён в боях за Буг!..
...По самые прядла
деревня в снегу.
Не рвёт, не мечет –
убитым счёт ведёт...
...Далеко-далече
война идёт.
С дочкою соседа
по снегу бегу...
За отцом следом
падаю в Буг...

2

В доме грунном
голо, пусто.
Пахнет грустно
мёрзлою капустой.
В праздник престольный –
вода на стол...
...Пал Севастополь!
Горит Ростов!..

«Живём – не тужим, –
шутит сосед. –
Трава на ужин
и на обед.
Была бы только
лебеда,
и душу Богу я
не отдам...»
Его не стало
тихой весной.
Видно, устал он
шутить со мной.
Но в День Победы
в тесном кругу
слова соседа
мне душу жгут.
И вижу снова я:
комья стучат
в гробы сосновые
без кумача.
Кресты и плечи,
лики святых,
цветы и свечи
и вновь кресты...
Куда мне деться
от тех могил!
В них я полдейства
похоронил...»

ПАМЯТИ ПЕЧАЛЬ

Всяк непредвзятый да поймёт,
какою дорожу любовью
к своей деревне, что над Обью
в ладах со временем живёт.
Живёт. Свой трудный хлеб жуёт.
Обид и радостей не прячет.
И, не умея жить иначе,
надеется, что не пропьёт
для мира смертный час...
И, значит,
не повторятся времена
тех незабытых лихолетий,
когда стемна и дотемна
порой за пригоршню зерна
ломали спины даже дети...
Я знаю – снобы сморщат нос:
– Опять о сельских горизонтах!..
– Опять!..
Поскольку креп и рос
под лозунгом
«Весь хлеб для фронта!».
И у меня сомнений нет,
как нет боязни повториться,
что женщинам военных лет
ещё не воздано сторицей
за то, что довелось сполна
испить им чашу вдовьей доли.
Не только ведь одна война
прошлась их материнским полем.
За неизбывную их боль,
умение без принуждений
отдать последние хлеб-соль,
не требуя вознаграждений...

Любовь КАЗАРЦЕВА

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

О, светлый день святой!
В слезах и радости встречали
своих единственных и нежных,
которых долго – годы! – ждали
наедине с надеждой.
Победа! Кончена война.
Любовь теперь в сердцах дышала,
и жизнь саму она венчала!
И нам, родившимся тогда,
святые имена давали –
любовь звучала в именах.

ЛИК ПОБЕДЫ

Огневые залпы батарей
Всё слабей за вереницей лет.
Только память крепче и больней –
У солдатских внуков и детей
Кровоточит в сердце скорбный след...
Только вот сестричке снится бой,
Запах гари, крови, чай-то стон...
И спешит она на взрывы бомб,
И твердит:
– Крепись, ведь я с тобой!..
Мать, сестра иль выросшая дочь
Лик самой Победы обрела.
И, переступая зло вселенское,
Смерч войны или забвенья ночь,
На курган Мамаев так взошла
Твёрдо – как на отчее крыльцо.

Говорят, что у войны
Лицо не женское.
У Победы –
Женское лицо!

Борис КАПУСТИН

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ВОЙНА

Чудится мне: мама меня обнимает.
Левой рукой.
А правую я не видал.
Никогда.
Нет, есть фотокарточка –
память о войне.
Девчушка. Река. Косогор за рекой.
В тридцатилетней тишине
мама улыбается.
Звёздочка на берете.
Берет – в руках.
«Гады!..» – захлёбываюсь.
«Что ты, маленький?» –
шепчет мама.
А по воспалённому лбу,
словно ветер, –
пустой рукав.

ВОЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ

В военных журналах не стихли бои,
доныне Победа куётся:
приводят решенья и мненья свои
и планы свои полководцы.

Не важен теперь операций исход –
он общей Победой измерен.
А важно спасти батарею и взвод,
уменьшить людские потери,

единую душу живую вернуть –
стратегий и тактик издержку,
постигнуть свою и чужую вину,
вскормившую эту надежду.

Пускай всесторонне подкованный ум,
вместивший и опыт, и знанья,
осудит плоды их трагических дум,
отвергнет пустые старанья.

Пускай не дано им вернуть никого,
ошибок и бед не исправить –
они не отступятся от своего,
они отступиться не вправе.

Судьбой отвечая за каждый приказ,
бесстрашьем любви потрясая,
из всех окружений выводят войска,
от всех поражений спасают.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

...а так как они не пришли
и домом им стала война,
мы всюду огни разожгли,
чтоб высветить их имена,

чтоб слабые эти огни
мелькнули в их смутных глазах
и чтобы согрелись они
на чёрных студёных полях.

А к знающим наверняка,
что им не согреться уже,
такая стучится тоска,
такая погибель душе!..

ГОСПИТАЛЬ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ. НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ 1985 ГОДА

В мешковатых форменных
байковых халатах –
грозной Красной Армии
старые солдаты.

В клумбах растопырены
толстые пионы.
Полночь. Двадцать первого.
Городские звоны.

Вспышки электричества.
Выхлопов раскаты.
В госпитальном садике
старые солдаты.

Курево запретное –
общие запасы.
Общие смертельные
первые фугасы.

Мы бы спели песенку –
голоса немые.
Нам бы к славе лесенку –
рукава пустые.

Нынче бы по чарочке...
Да мертвы ребята,
с кем свечи огарочек
полыхал когда-то.

КУЛУНДИНСКАЯ БАЛЛАДА

Я написал стихи о Ленинграде
(как написал, о том судить не мне).
Читаю их на крохотной эстраде
в сибирской нашей вьюжной стороне.

Глядят уныло, слушают вполуха.
Скорей бы выйти. Жидкие хлопки.
Закашлялась какая-то старуха.
Задвигались у входа мужики.

Молоденький инструктор из райкома
толкует с бригадиром о весне.
Всё как всегда. Обжито и знакомо.
Но вдруг – старик. И прямиком – ко мне.

Подходит. Смотрит как-то виновато.
Окурок мнёт в коричневой руке
и говорит: «Сынок, так это ж правда, –
я умирал на невском пятаке.

Они, быть может, сказка для кого-то,
о них мы в праздник песенку споём,
но я-то эти чёртовы болота
прополз под перекрёстным артогнём!..»

Ушёл старик, прихрамывая, горбясь,
в метельный временной круговорот...
Моя тревога вечная и совесть –
седой сержант Синявинских болот.

* * *

Соседа сделаю героем
и дам фамилью Иванов.

Он целый день сидит в квартире
и вышивает по канве.

О нет, не пышные букеты,
не кошечек и не щенков –
вождей и маршалов портреты
из пожелтевших «Огоночь».

Читатель может удивиться.
Я предъявить ему готов
разбитые на клетки лица
с обозначением цветов:
они у мамы четверть века
в альбоме плюшевом лежат
средь фотокарточек заветных
убитых и живых солдат.

Степан Петрович вышивает
на пяльцах умершей жены
и, чуть фальшивя, напевает
про быстрокрылые челны,
про коногона и тальянку...
А коли на сердце беда,
тогда – бессмертную «Землянку».
«Землянку»!.. Что ж ещё тогда.

Борис КАУРОВ

СНЫ

На солдатских путях заграничных,
в блиндажах и окопах не раз
снился мне – неизменно, привычно –
дедом срубленный черепичный
дом, в котором живу сейчас.

Засыпая под жёсткой шинелью,
видел рощи, поля и луга –
всё, что в кровь я впитал с колыбели,
всё, где годы прошли – не недели,
всё, чем Родина мне дорога.

И, как прежде, сейчас вереницей
сны приходят ко мне иногда.
Но одно мне совсем не снится –
надоевшая заграница,
чужеземные города.

НА НОВОЙ ГРАНИЦЕ

Прошло пять лет, как я расстался с нею,
с маньчжурской пограничной стороной.
Я снова здесь. И небеса синеют,
и пахнет мятой в тишине степной.

Здесь в сорок первом в лютые метели
официальной не было войны.
Но пулемёты в сердце мне глядели
с той – самурайской – злобной стороны.

На этих сопках – голых и покатых –
не раз гремели жаркие бои.
Здесь вечно спят отважные солдаты –
хорошие товарищи мои.

На их могилах, за стальной оградой,
росой сверкают свежие цветы.
…И снова пограничные наряды
идут неторопливо на посты.

Здесь буйным цветом полыхают травы.
И видим мы, как братскою рукой
привет нам шлёт – совсем не по уставу –
с той стороны китайский часовой.

1946 г.

Евгений КАШИРСКИЙ

ТАК БУДЕТ

Придёт пора, ты станешь дедом
И в звёздный вечер в тишине
Любимцу – внуку-непоседе –
Расскажешь правду о войне.
Листая в памяти, как в книге,
Страницы жизни фронтовой,
Припомнишь дым кварталов Риги,
Ноябрь железный под Москвой.
Когда в кровать внучонок ляжет
И в комнате потушат свет,
Он, засыпая, нежно скажет:
– Как много сказок знает дед...

РС

Из рощицы, что с Волгой рядом,
Кометы взмыли до небес.
В сорок втором, под Сталинградом,
Узнал я тайну букв РС.

Следил, не отрывая взгляда,
Прося: «Комбат, ещё сыграй»,
А реактивные снаряды
Жгли у врага передний край.

И напрочь робость отходила,
Шутил с бойцами офицер:
– Там огонька на всех хватило,
Кто злобно брал нас на прицел!

Отогревались наши души,
Когда РС фашистов жгли.
Не зря так ласково – «катюши»! –
Бойцы те пушки нарекли.

Людмила КОЗЛОВА

СТРАННИЦА ВОЙНЫ

*Памяти моей тёти
Зубец Тамары Александровны,
сержанта войск связи,
радистки 1941-1945 годов*

Прицеп в бронированной стали
Плюёт огнём свистящим влёт.
Сто тысяч пуль меня достали,
Сто тысяч ищут свой черёд.

Иду на вы! Моя защита –
Разбитый тополь за спиной.
Шинель, где памятка зашита,
Да мать, да Родина со мной.

Иду на вы – простое слово!
И встанет роща – за меня!
И сбережёт в году свинцовом
От пуль, забвенья и огня.

Я в жизнь уйду из ада смерти
Победой – Женщиной Весны.
И вы – из будущего – верьте
Радистке, страннице войны!

ОТЕЦ

1.

Война не встретилась со мной –
мы разминулись на три года,
но есть особая порода
жестоко меченных войной.

Он кашлял каждую весну
и всё курил свою махорку;
пришёл домой не в гимнастёрке –
он был в плену.

2.

Ребята с гордостью считали
нашивки, ордена, медали –
отцов военные награды.
Молчать об этом было надо
лишь мне одной.
И я молчала,
боясь, что спросят вдруг меня.
В окно, занудливо звеня,
пчела заблудшая стучала.

И, словно в комнате пустой,
в сознанье с долгим странным звоном
бесплотно лёгкий, как святой,
со взглядом ясным и бездонным
отец мне виделся опять
с улыбкой горько-виноватой,
что не пришлось ему, солдату,
в бою с врагами жизнь отдать,
что звал родной песчаный плёс
его из лагерных бараков,
что пережить он смог, однако,
и смерть, и свой туберкулёт.

3.

Отец впервые награждён,
когда прослыл два раза дедом:
в тридцатилетие Победы
пришёл домой с медалью он.

Наградой этой горд отец,
как высшим орденом военным
(в концлагерях советским пленным
другой пророчили конец!).

Звучала словно трубный глас –
война тому законодатель –
одна из многих страшных фраз:
«Теперь для русских ты – предатель!»

Да, он наслышался всего!
Там каждый день казался веком!
Но он остался человеком –
и мне
не стыдно
за него!

Сергей КЛЮШНИКОВ

ПРОСЬБА

– Пристрели, браток, пристрели!.. –
Губы шепчут едва-едва.
В этом все бою полегли,
И от крови мокра трава.
– Христом Богом прошу, пристрели, браток!..
Ноги – месиво, пуля – в голову.
Чистой-чистой сейчас бы воды глоток,
Ну а два – это было б здорово.
– Пристрели, браток...
А браток без рук,
И в двух метрах – пустой наган.
– Пристрели, браток...
Заколдован круг.
Одна просьба, всего одна.
– Пристрели, браток...
А браток без рук.
И вообще без движений, нем.
– Пристрели, браток, чтоб не ведать мук...
Пристрели, мне невмочь совсем...
Пристрели, браток...
Вороньё кружит.
Тянет холодом от земли.
– Напослед ещё разок услужи:
Пристрели, браток... пристрели...

* * *

Я в братских могилах не раз похоронен, не раз воскрешён.
Я пил за удачу слепых воскресений, но был изначально
Мой шёпот прозренья для слуха чужого смешон.
И это печально. Сегодня и завтра – печально.
С востока на запад рассветная стонет заря,
Закатно купаясь в кровавой росе отчужденья.
И речи – напрасны. И время, бездымно горя,
Сжигает дотла все былые мои откровенья.
Салютами бредит расстрельная поступь годов.
На первый-второй рассчитаться уже невозможно.
И ангел, взлетев над безумною музыкой слов,
Молчит настороженно или – почти осторожно.

* * *

Они и нынче, уйдя, живут –
Люди легенд.
И годы венки им скорбные вьют
Из траурных лент.
А время бежит, время стучит:
Тик-так...
И кто-то во сне страшно кричит
Во мрак.
И слёзы горькие тучи лют
На постамент.
Они и нынче, уйдя, живут –
Люди легенд.

* * *

Война, война, далёкая война...
Разрывами гроза забыто ахает.
И кажется: в атаку среди дня
Идёт пехота напрямик по пахоте.
Война, война...
О ней, о невесёлой,
И нынче боль сжимается в словах.
И нынче плачут по сгоревшим сёлам
И детский крик звенит в ушах.

Владислав КОЗОДОЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В светлом мае отгремели пушки,
возвратился батька на заре.
Я стоял и жадно грыз горбушку,
безразлично на отца смотрел.
Я его совсем, совсем не помнил,
он мне дядей незнакомым был.
Но зато я помнил взрывы в полночь,
помнил поезд, вставший на дыбы.
Помнил, как, просеяв через сито
отруби, нам говорила мать:
– Вот отец вернётся, потерпите,
мы тогда не будем голодать.
Значит, это он привёз гармошку,
это он здесь говорил со мной.
Значит, завтра жареной картошки
вволю наедимся мы с сестрой.
В кухню с этой новостью бежал я
и застыл, лишь приоткравши дверь:
мать, к шинели фронтовой прижавшись,
почему-то плакала теперь.
И, лицо в её колени пряча,
я шептал, чтоб успокоить мать:
– Он приехал, мама! Что ж ты плачешь?
Мы теперь не будем голодать.

СОЛДАТЫ

Нам написано на роду
быть солдатами – мы мужчины.
Нам штыком отводить беду
и в походах копить морщины.
Тосковать о любимых,
по-мужски молчаливо маяться.
Наше время на части
режет медленный маятник.
Прилетают к нам письма
с Алтая и Крыма...
И, как птиц, мы их держим
за белые крылья.
Загрустим.
Только это ничем не покажем.
– Выше голову, друг, –
мы товарищу скажем.
Грусть в хрустящий конверт
для отправки любимым уложим.
Про себя будем думать,
как мир неустроен и сложен.
И тревожно уснём,
как отцы засыпали когда-то.
Что поделаешь, друг,
мы – мужчины,
а значит, солдаты.

Владимир КОРЖОВ

ПАМЯТЬ

По нашей улице щербатой
Стучали утром костили.
Отец прошёл войну солдатом
До вражьей выжженной земли.

Мечтал до грозного Берлина
Отец с победою дойти...
Противотанковая мина
Подстерегла его в пути.

Сорок четвёртый год. В июле
Встал госпитальный эшелон
В тылу глубоком – в Барнауле.
Я в этом городе рождён.

Мне шестьдесят. Я благодарен
Судьбе, что не видал войны.
Портрет отцовский мной поставлен
На книжной полке у стены...

РАССКАЗ УЗНИКА КОНЦЛАГЕРЯ

Лагерь.
Колючка.
Неволя.
За лагерем – степь и воля,
Поле, бескрайнее поле...
Человек не может без воли,
А у леса – минное поле.

Мы охрану перехитрили
И из лагеря убежали.
Пять друзей после взрыва лежали,
А я, раненый, еле полз
Без ноги...

Костыли-кандалы – до смерти,
Но я счастлив, что жив, поверьте!
У меня есть жена и сын,
Из друзей я выжил один.

...Память ночью бередит душу –
Так осколок спешит наружу.

* * *

Отец с сорок первого был на войне.
Я вырос после войны.
Мой сын

семь раз побывал в Чечне –
Нет в этом моей вины.

Два ордена и медаль
Грели отцовскую грудь,
Культи и два костиля
К погосту ускорили путь.

А сын мой похож на деда –
Вернулся не без наград.
В отцовских глазах – Победа.
У сына – печаль утрат.

9 МАЯ

День Победы. Непогода.
Мокнет первая листва.
Закручинилась природа
Накануне торжества.

Ветеранам праздник в руки –
Кое-кто навеселе,
Кто при сыне, кто при внуке,
Кто при верном костыле.

Ордена и звон медалей!
...Сердце ноет – больно мне:
Ветеранов очень мало
Нынче в нашей стороне.

Людмила КОРОТКИНА-СНЕЖЕНЬ

МОЙ ДЕД

И снова май. Девятое число.
День памяти. А утро так светло!
Давным-давно промчалась та гроза,
Но грусть у мамы с бабушкой в глазах.

Но нету только деда моего.
Не знала я, не видела его.

Бежал солдат в атаку по траве.
Он знал, что ждут его дочурки дома две,
Сын без него тихонько подрастал...
А он в траву подкошенный упал.

И нету с нами деда моего.
Я никогда не видела его.

Был так же май. Девятое число.
Весна шальная. Всё вокруг цвело!..
Но обняла солдата тишина.
И для него закончилась война.

Пусть я не знала деда моего,
Но помню светлой памятью его.

ВОСПОМИНАНИЕ О НЕИЗВЕСТНОМ

Отяжелевший шмель надсадно
Гудит, поднявшись со цветка,
Всё хорошо в природе, ладно.
Но это временно – пока...

А через час небесным громом
Взорвётся эта тишина...
Ворвётся голосом знакомым*
В Россию страшное – война!..

И станут уходить мужчины,
Храня в душе прощальный взгляд...
Есть вдовы, ждущие доныне
Невозвратившихся солдат.

Пусть шесть десятков лет промчалось,
Солдатка у окна сидит...

Войны не зная, что ж печалюсь,
Когда в июне шмель гудит?..

* Голос Юрия Левитана.

Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ

ЗАВОДСКИЕ СТЕНЫ

О чём вы думаете, стены
Котельно-сварочных цехов, –
Свидетели поры военной
В пролётах стылых смен бессменных
Под всплеск метельных голосов?
Что видится вам в час полночный
С уходом отшумевших лет:
В спецовке выцветшей рабочий,
Оставил свой добрый след
В делах и памяти потомков, –
Он с вами жил одной судьбой?..
А может, эта вот девчонка,
Что мелом чертит шар земной
На выпуклом листе металла?
И ей сегодня трудно знать,
Как дни и ночи неустанно
Металл в цехах мог скрежетать
И вздрагивать при тусклом свете,
Когда сдавал уже резец,
Когда был каждый день к Победе
Мерилом мужества сердец...
...О чём вы думаете, стены?..

* * *

Не всем легко о детстве вспоминать...
И у меня оно не лёгким было.
В разгар страды моя больная мать
по целым дням домой не приходила.

Она была в колхозе звеньевой.
Её звено трудилось за посёлком.
И часто-часто колкою тропой
я уходил к ней босым на прополку.

Пололи мы там зелень-коноплю,
точнее, посконь дёргали руками.
А отыхали только на краю
за пройденными долгими рядами.

Звенела высь. Кружилась голова
от дымчато-прогорклой едкой пыли,
и от порезов посконью всегда
так нестерпимо больно руки ныли...

С тех пор прошло немало дней и лет,
и я уже не чувствую той боли.
Но до сих пор хранят мои ладони,
как и душа, поры военной след.

СКРИПАЧ

На пятачке
вблизи вокзала
под смех и раздражённый плач
нередко музыка звучала,
которую творил скрипач.

Худые старческие руки,
глаза незрячи,
нос крючком...
Но, бог ты мой,
какие звуки
рождались под его смычком!
В них –
гнев и боль,
печаль и ласка,
мечтаний юношеских взлёт,
невольная тоска по сказкам,
что в каждом
с детских лет живёт.

Не выдержат, казалось, нервы.
Нет,
он не клял свою страну,
хотя – узнал я –
в сорок первом
ушёл на фронт...
И был в плену
немецком...
А потом в советском
с клеймом врага
свой срок волок
за то,
что где-то под Елецком
не до конца исполнил долг...

А срок отбыв,
лишился света
за то,
что свет в душе хранил
и виртуозом стать при этом
надежд своих не хоронил...
...И стал!..
И нищ, и неухожен,
привыкший слышать плач и мат,
он дарит музыку прохожим,
как будто в чём-то виноват.

МОИ ОТЕЦ И МАТЬ

Тех, кто защитил страну от фрица,
Чтят и помнят всех до одного...
У одних – медаль с войны хранится,
У других – шинель, бушлат в петлицах,
У меня на память – ничего,

Кроме строгой краткой похоронки:
«Был убит за Родину в бою»...
Этот листик ветхий, жёлтый, тонкий
Много лет я у себя храню.

Мой отец погиб
под Ленинградом
В стылый день, когда пурга мела,
При прорыве огненной блокады,
Что навек в историю вошла.

Мама часто плакала ночами
И ждала, что всё-таки придёт.
Пусть контужен будет,
пусть изранен,
В отчём доме вскоре оживёт.

Отойдёт больной душой сначала,
Будем жить счастливою судьбой.
Не пришёл он...

И осталась мама
Навсегда печальницей – вдовой.

Я, тогда совсем ещё мальчишка,
Только-только начинал ходить
И свои протягивал ручонки
К ней, родной,
как к солнцу, –
чтобы жить!..

* * *

Никогда я не был на войне.
Не видал окопной злобной драки,
В штыковые не ходил атаки,
Но война всегда живёт во мне:
Скорбным взглядом, тяжкой неудачей,
Строгой недописанной строкой...
Женским криком,
горьким детским плачем
Или друга прерванной судьбой.

Не был...

Не в меня огнём вонзился
Меткой пули жалящий свинец...
Только с детством рано я расстался –
Не пришёл с войны и мой отец.

Без отцов мы шибко голодали.
И, чтоб как-то голод пережить,
Летом кислым щавелем питались,
Осенью – зерном колючей ржи.

А весной картошку в огородах
Я искал, едва сойдут снега.
Из неё, гнилой, на сковородке
Мама мне ландорики пекла.

...Детство-детство –
дни без расписания,
Тонкий луч на выжженной стерне...
До тех пор, пока во мне дыханье,
А вокруг и слёзы,
и страдания, –
Эта память будет жить во мне.

ФОТОГРАФИЯ

В лесу,
что минами изранен,
авиабомбами изрыт,
он с фотографии на память
с задумчивостью вдаль глядит.

На нём шинель и портупея,
груз позолоченных погон...
Снимался он на батарее,
а через сутки был сражён.

Бойцы комбата похоронят,
и батальон уйдёт вперёд...
Лишь через год в село родное
та фотография придёт.

Её получит тётя Настя,
которой с фронта он писал...
Видать, не зря гонцом несчастья
над домом ворон зависал.

И упадёт из рук работа,
и потускнеют образа.
И на единственное фото
падёт горючая слеза.

Владимир КОСАРЕЦКИЙ

ВЕСНА СОРОК ПЯТОГО

Отмылись небесные своды
От чёрного смога войны.
Весна сорок пятого года –
Бессмертная память страны.

Мы, малые дети, балдели
От солнечных тёплых лучей.
Не «мессеры» – пчёлы гудели,
И вербы гляделись в ручей.

В руках инвалида соседа
Истошно баян голосил.
«Победа! Победа! Победа!» –
Бурлящий эфир разносил.

С войны возвращались солдаты,
Былинным героям под стать.
Гудели от радости хаты,
А мне было некого ждать...

Но небо сияло и воды,
Глаза старика и мальца...
Весна сорок пятого года...
Ей нет и не будет конца!

Валерий КРЮЧКОВ

* * *

Мы придём на именины
В тот горбатый дом.
Испечём пирог из глины,
Уши надерём.
Мы в расцвете, в самой силе –
Парни хоть куда.
Голоданьем нас лечили
В детские годы.
Мы расчётливого кроя,
Наша стать легка.
В мире было много крови,
Мало молока.
Мало хлеба, много горя,
Круглый год – зима,
Мало писем треугольных,
А казённых – тьма.
Мы придём. Припомним детство,
Пасмурную даль,
Где игрушка и наследство –
Батина медаль.

Василий ИСАЕВ

* * *

Лежит граната на груди
с чекою снятой.
И озверелые враги –
в броске к солдату!

Но он, спокойствие храня,
пружиной сжатой...
И не солдат он, а заряд –
запал гранаты!

Рвануло! Полыхнуло! Враз –
со стоном: «Ма-а-ма-а!..»
Над отчим домом в этот час
звезда упала.

* * *

Под утро всполохи зари –
Мне будто взрывы...
Я у двоюродной сестры
Смотрю архивы.

На фото их, ушедших, глядя,
Я всех узнал и всех запомнил.
Вот брат двоюродный, вот дядя.
Вот папа в довоенной форме...

Хоть в этом нет моей вины –
Что я родился в сорок пятом,
Но всё же я в плену войны.
Жестокой. Памятной. Проклятой.

Николай ЛАКТИОНОВ

* * *

Ещё война не позабыта
Среди забот и суеты,
И всех пропавших и убитых
Ещё так явственны черты,
Ещё мой хлеб ржаной и жёсткий,
И ни достатка, ни отца,
И домик наш совсем неброский,
И мать в калошах у крыльца,
А на дворе осенний ветер
С плеч рубашонку рвёт мою,
И я, мальчишка пятилетний,
Такой беспомощный стою!..

* * *

То, что было с народом,
мы знаем,
как нависла над Родиной ночь...
Всё прочли мы
и всё понимаем,
только как нашим бедам помочь?

Жили будущим,
страстно манящим,
сколько ж прошлым ещё проживём?..
Не пора ли
пожить настоящим? –
вопрошаю я нынешним днём.

Владимир ЛЕОНТЬЕВ

ПИСЬМА ГОРЯ

С фронта письма,
письма,
письма...

Часто в них одно – «...убит...».
Ходит горе тропкой лисьей,
Ходит – память ворошит.
В дом один зайдёт, а вскоре
Из него

в другой ползёт...
Трижды к нам стучалось горе,
Потолкавшись у ворот.

Фронтовых известий строчки
Приносили в дом печаль.
Мама

в ситцевом платочек
Лила слёзы по ночам.
Но, поплакав дома вволю,
Отложив свои дела,
Мама шла работать в поле, –
Чтоб Россия

живьё могла.

НАСЛЕДСТВО

В мою судьбу вошла война
Послевоенным трудным детством,
А возрождённая страна
Дала мне мужество в наследство.

Учился я у тех, кто жил,
Сражаясь за судьбу народа,
И кто Отечеству служил,
Снеся все бури и невзгоды.

Пред ними я всегда в долгу.
А об ушедших память свята,
Её я в сердце берегу –
Как дань Величию Солдата.

ОТЕЦ И БРАТ СОЛДАТА

Стоит, опершись на костыль,
Один под стынью небосвода,
Далёких лет живая быль –
Солдат войны, солдат свободы.
Стоит у Вечного огня
Рядом с родным гранитным братом.
И кажется в рассвете дня,
Что он отец – отец солдата.
А он уже обнял его,
Шептал: «Прости, не спас от пули
Тебя – братишку своего,
Но знай – враги нас не согнули.
Мы разогнули «дуги» их
И расписались на рейхстаге...
А мать ждала с войны двоих,
Ты был безудержней в отваге.
И за бессмертною душой
Взметнулось ввысь Победы знамя...
Весь мир рукоплескал тебе,
И ты сегодня вместе с нами».«
Упругий ветер развевал,
Как флаг, полотнище заката.
У Вечного огня стоял
Отец – и он же брат солдата.

Юрий МАЛЫХ

ДИПТИХ

1.

Ведут бои мальчишки за кустами,
А я вдруг остро чувствую вину
За то, что до сих пор не перестали
Они играть в проклятую войну.

Весна опять наполнена цветами,
Победный май не старится во мне...
Ах, если б все мальчишки перестали
Играть в войну...

Тогда б не быть войне.

2.

Война, война...

Я с детства это слово
Намного чаще слова «мир» слыхал.
В нём страх за жизнь
и ужасы былого,
Как будто сам в том пекле побывал.

* * *

Под синью нелёгкого свода,
Купая в цветах и любви,
Весна сорок пятого года
Кричала солдату:
«Живи!»

Летит с ускорением времяя.
Война далеко позади...
За промахи,
юное племя,
Солдата того не суди.

Поверь,
что для целой планеты
Спасал он любовь и мечты,
Что гимны ему не допеты
В порочных тисках суэты.

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

Дочитали мы страницу.
Всё. Пора ложиться спать.
– Пап, а как они в больницу?
Им ведь раненым не встать!..

В сорок первом двадцать восемь,
Во главе с политруком,
Защищали неба просинь
Где гранатой, где штыком.

Их панфиловцами звали.
Подвиг памятен и свеж.
Мёртвой хваткою держали
Дубосековский рубеж.

Из-под стали вырастали.
Шли со сталью в смертный бой.
Навсегда легендой стали,
Заслонив Москву собой...

Глажу голову сыночка,
Мне б хотелось помолчать,
Только взгляд его не точка –
Что-то надо отвечать.

Леонид МЕРЗЛИКИН

ЗА СТОЛОМ

Сын к матери и добрый и внимательный.
У самого уж внуки. Хлебосол.
Садятся в День Победы замечательный
За стол.
– Гляжу, как молодёжь-то ходит нынешна,
Нельзя не любоваться на неё! –
И вспомнила с улыбкою Ильинична
Своё.
– Война... А мы молоденьки-молоденьки
Пешком да на фабричный на гудок!
И цокают ботиночки-колодинки:
Цок-цок.
Ботиночки – подошвы деревянные,
Кукукает «кукушка», паровоз,
Немеют, стынут пальцы окаянные.
Мороз!
А мы ещё шуткуем. То-то молodo!
Мы говорим кривому пареньку:
«Давай под мышки руки нам от холода!
Ку-ку!»
И во главе застолья многолюдного
Ильинична смеётся, пряча взгляд.
Награды у карманчика нагрудного
Горят.
Война, война с простуженными глотками,
С голодными глазами по углам...
Далёкая – и вот она! И всё-таки
Там, там...

ЛЮБА ЖУРАВЛЁВА

В буреломной чаше,
Травами увитый,
Люди отыскали
Наш КВ разбитый.

В землю запахался
Он катками всеми,
К рычагам склонился
Воин в пыльном шлеме.

А в кармане слева
Маленькое фото:
Люба Журавлёва
Загрустила что-то.

«Не грусти, родная,
Я к тебе приеду,
Только помоги мне
Одержать победу.

Только помоги мне
Двинуть рычагами,
Развернуться танком
В этой чёрной яме,

Да вздохнуть бы грудью,
Да открыть бы веки...
Только не увижу
Я тебя вовеки.

Только не услышу
Твоего я слова,
Люба моя Люба,
Люба Журавлёва...»

Пырхали синицы,
Хлюпало болото.
Люба Журавлёва,
Маленькое фото.

Маленькое фото,
Грустное такое.
И такое небо –
Светлое, большое!..

ТАБАК

В забоке кукует кукушка,
На озере плещет чебак,
А в поле вторая бригада
Сажает для фронта табак.

Мы все в этой самой бригаде
Весной и в уборку живём,
Бригаду зовут Бабьим горем,
Но мы, пацаны, ни при чём.

Пускай не совсем, но мужицкий
Собой культивируем вид:
Кто пробует дым самосада,
Кто бриться стеклом норовит.

Мы знаем: курить – это плохо,
Но дело имеем с махрой,
К тому же отец или братка,
Он тоже там смолит, герой!

Лишь ночью (про то я не знаю)
Погладит мне мама висок,
И вытряхнет пыль из кармана,
И жмыха положит кусок.

Николай МИХЕЕВ

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

В бинокле – руку протяни лишь –
Окопы фрицев.

И в упор
Взгляд из-под каски...
Пальцем сдвинешь
С предохранителя затвор...

И сам ты вечно под прицелом,
Но притупило время страх...
Дожить до вечера бы целым,
А там, дай бог, и до утра.

НА УЛИЦАХ РЖЕВА

Отбитый у врага зимой,
Ещё зализывал он раны...
К вокзалу, соблюдая строй,
Мы шли – и видеть было странно
Воронки рваные окрест
И башню, сорванную с танка...
Молчали бабы, и оркестр
Играл «Прощание славянки»...

* * *

Подниматься в атаку надо,
А тут этот проклятый дзот.
И солдат, сжимая гранату,
По-пластунски к нему ползёт.

Не дополз...
Не успел и кинуть...
И второму не повезло...
Сколько их,
молодых и сильных,
До Победы не доползло.

СТРАХ

На войне боялись все.
И страх
Покидал нас лишь перед атакой...
А потом – хоть голова в кустах,
И никто из раненых не плакал.
Страх...
Перешагнув через него,
Мы уже не думали о смерти,
Погибая через одного...

Тем, кто не боялся там, не верьте.

Михаил МОКШИН

ПОГОНЫ

У женщины седой, немного строгой,
Медали с орденами в два ряда:
Она прошла военною дорогой
И наши, и чужие города.
Измерила и реки, и болота,
Освилла свинцовую пургу,
И ратная тяжёлая работа
Была всегда как приговор врагу.

Уплыли годы караваном длинным,
Но грозных дней ей не забыть никак...
Сегодня провожает она сына
На службу в пограничные войска.
Уходят вдаль зелёные вагоны.
Сын на прощанье машет, машет ей.
Увозит тайно старые погоны
Он с гимнастёрки матери своей.

ДОБРОТА

В огромном мире был я маленьким,
Но в сорок третьем вдруг подрос.
Сосед наш старенькие валенки
И полушубок свой принёс.

И, пряча в бороду смущение,
Сказал больному он отцу:
«Мальчонка ваш горазд в учении –
Одёжку сделайте мальцу...»

Обновка вышла в лучшем виде,
На вырост – я же подрасту...
Я первый раз тогда увидел
Глазами детства доброту.

И сквозь года, пройдя по свету,
Забыть тот день я не могу:
Я у людей – за шубу эту,
За эти валенки – в долгую.

Иван МОРДОВИН

ДРУГУ ДЕТСТВА

Доценко А. И.

Не мало было нам дано
После себя оставить детям:
Соткать тугое полотно,
Посеять хлеб и путь наметить.
Нельзя об этом забывать,
Друг милый, даже на мгновенье,
Отцы сумели отстоять
Для нас в боях сердцебиение.
Они с Победою домой
Смогли к любимым возвратиться!
А нашим сыновьям с тобой,
Скажи на милость, кем гордиться?
...В Отчизне – горькие дымы,
В селеньях – пришлые народы!..
Какие отстояли мы
Неоспоримые свободы?

БАБУШКА

Моя бабушка –
мать председателя колхоза –
до конца своих дней
машин сторонилась.
Ни разу не села в легковушку с отцом.
А ешё по селу о ней слухи ходили,
что веровать в Бога
она перестала
в 42-м,
когда похоронку на третьего сына
письмоносица Марфа ей принесла.

Но рядом с электросчётом,
спрятанным под ситцевую занавеску,
в красном углу
у нас пребывала икона –
Божья Матерь
с ребёнком на руках.
Бабушка длинные взоры выцветших глаз
к ней отсыпала,
только потом
за дела принималась:
тесто месила, корову доила,
воду в замшелые кадки из речки носила,
хворост,
целебные травы в лесу собирала,
меня, чумазого, пестовала...

У бабушки был сундук –
с крышкой, обклеенной изнутри
цветастыми обёртками
довоенных конфет.
Когда она его открывала,
празднично пахло в избе
яблоками и мылом.

Со дна сундука
бабушка блёклую карточку доставала
и словно бы в забытьи
глядела в неё,
молчала.

А бывало, меня к себе подзывала
и, на затылке пригладив вихры,
пальцем корявым
по карточке тихо водила:
«На-к, на дядьёв своих погляди.
Это вот – Павел.
Это – Сергей.
А это – Гаврил.
Как я Бога просила!
Вымолила
только отца твоего.
Вот он сбоку сидит...»

На свете давно моей бабушки нет.
И папа под красной звездой на погосте.
...И часто снится мне сон:
отец за рулём,
Павел, Сергей,
Гавриил на заднем сиденье.
И бабушка с ними
весёлая едет!
Едет – ничуть не боится...

А пыль
из-под колёс
мне глаза
застилает.

1968 г.

НА РОДИНЕ

На родине поля без края,
В зелёном мареве леса,
Здесь наши дети вырастают
И обретают голоса.
Здесь, как и я однажды, близко
В свой срок нагрянувшей весной
Сын ощутит у обелиска
Тепло и боль земли родной.
В нём будет жить моё волненье,
Не оборвётся предков нить.
Земли весеннее цветенье
Мой сын сумеет сохранить.
И как бы ни гудели ветры
И ни металось вороньё –
Над родиной восходы светлы
И чисты помыслы её!

Василий НЕЧУНАЕВ

ДЯДЯ КОЛЯ

Дядя Коля приехал с войны!
Ох, завидуют мне пацаны.
Подхалимствует Шурка-сосед:
У него дяди Коли-то нет!
Дядя Коля – геройский солдат,
Он Москву защитил, Сталинград.
Дядя Коля всех фрицев разбил,
Дядя Коля в Германии был,
Подарил мне губную гармонь.
Нас попробуй хоть кто-нибудь тронь!
Побежите, задравши штаны...
Дядя Коля приехал с войны.

В БЫВШЕЙ ДЕРЕВНЕ

Стихла деревня.
Стоят стар и млад у ворот.
Смотрит-дивуется весь деревенский народ:
Пленные немцы с понурой идут головой.
С лесоповала ведёт их в казарму конвой...
Замер у прясла мальчишка с разинутым ртом...
Многое-многое видел мальчишка потом.
Видел нужду и великую стройку страны.
Жили они далеко-далеко от войны –
Этот мальчишка, деревня сибирская та.
Вот он приехал проведать родные места,
Бывший мальчишка, теперь не мальчишка, а дед.
Где же деревня?
Деревни над берегом нет.
Спят тополя,
На жердинке дорожная пыль...
Перед глазами давнишняя детская быль:
Пленные немцы с понурой идут головой,
С лесоповала ведёт их в казарму конвой.

ТАНК

*Памяти ветерана
Великой Отечественной войны
Ольги Дмитриевны Сотниковой*

От притяженья пьедестала
Устал почётный старый танк.
Он вам не скопище металла.
Он брал Берлин. Он брал рейхстаг.

Не для парада-маскарада
Его отчизна создала.
Прошёл он пекло Сталинграда,
Кошмары Курска и Орла.

Не для того его цветами
Встречал народ в победный день,
Чтоб в мусор импортный втоптали
Его прославленную тень.

Его как символ водрузили
Не для того на грань веков,
Чтоб люди русские Россию
Страною звали дураков,

Чтоб из родительского кровя
Обитель сделать сатаны...
Геройский танк глядит сурово
На посрамление страны.

ПЕСНЯ О РУССКОМ ДУХЕ

Не падайте духом,
Не падайте духом.
Наполнимся зрењем,
Наполнимся слухом.
Увидим-услышим
Движене времён,
Победное пенье
Российских знамён.
Исполним заветную
Клятву простую:
«За русскую землю,
За веру святую!»
Не слышно подмоги,
Не видно ни зги,
Но русского духа
Боятся враги.
Не падайте духом,
Прорвём окруженье.
Сраженье, сраженье
И только сраженье!
В смертельном сраженье
Свой дух сохраним.
И тёмные силы
Падут перед ним.

КОМАНДА

Солдат Нечунаев, держись!
Пусть чёрные тучи кружатся,
Но так уж устроена жизнь,
Что надо солдату держаться.

Солдат Нечунаев, не сметь
До времени выйти из строя.
А время придёт умереть –
Умрём, постараемся стоя.

Солдат Нечунаев, не трусь.
Ничто нас ещё не сломило.
Жива ешё матушка-Русь,
А с нею – небесная сила.

Валентина НОВИЧИХИНА

МЕСЯЦ МАЙ

– Месяц май, он какой?
Красный, белый, голубой?
Ну конечно, он зелёный!
Распустились ивы, клёны
И берёзы, тополя...
В нежной зелени поля!

– Нет, май месяц – голубой!
Спорить я могу с тобой.
Видишь, небо голубое,
А огромное какое!
Речка, ручеёк любой,
Даже воздух голубой!

– Нет, май месяц белоснежный,
Очень юный, очень нежный!
Посмотрите, там и тут
Вишни, яблони цветут!
От цветов вокруг бело –
Словно снегу намело!

– Что тут спорить понапрасну.
Месяц май, конечно, красный!
В День Победы – праздник мая –
Всюду флаги поднимают.
Город кумачом горит!
«Миру – мир!» – всё говорит.

Так какой же май, какой?
Он зелёный, голубой,
Нежно-белый, ярко-красный?..
Самый светлый и прекрасный!

ТРИПТИХ

1. РИСУНОК МАЛЫША

Малыш взял мел и на полу
Громадный танк нарисовал.
А к грозному его стволу
Воздушный шарик привязал.
А возле танка командир
Фуражкой ловит стрекозу.
Большими буквами внизу
Два слова:
ЭТО МИР!

2. ДЕТСКАЯ ПРОСЬБА

Люди взрослые, не пушки
Выпускайте, а игрушки!
Вместо ядерных ракет
Больше делайте конфет
И всем детям подарите.
А войну вы отмените!

3. ПЕСЕНКА-СЧИТАЛКА

Ветер, ветер многокрылый,
Тучи солнышко закрыли!
Ветер быстрый и могучий,
Разгони скорее тучи!
Чтобы небо стало чистым,
Солнце – ясным и лучистым!
Чтобы всюду на планете
Солнцу радовались дети!

Геннадий ПАНОВ

СЛАДКИЙ ПРЯНИК

E. Ерилову

Мы живём не в долгу у вечности –
перед нами в долгу она:
нас, мальчишек Великой Отечественной,
обокрала война.

Горечь вновь ворошить не хочется,
только нам её не избыть!
Помнишь, Женька, деревню Корчину
и бойца посреди избы?!
Помнишь, как ты выдохнул:
– Папка!.. –
и к медалям лицом приник...
Снял солдат виновато шапку,
расстегнул тугой воротник.
Он рукою тяжёлой долго
гладил чуб:
– Ты, сынок, прости.
Папка твой... как герой... на Волге.
Жив останусь – просил навестить.
И, неловко щекой щетиняясь,
по-солдатски обнял как мог:
– Вот держи фронтовой гостинец.
Пряник. Сладкий. Поешь, сынок.
Помнишь, Женька, как ты несмел
взял кругляш тот белый как мел.

Мы в тылу здесь картошку ели,
чтобы фронт отступать не смел.
Нам с утра испекали драники –
и на улицу дотемна...
Если б только на эти пряники
нас
обкрадывала
война!..

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Н. Г. Дворцову

Фронтовые подружки,
боевой экспонат –
у музея две пушки
на граните стоят.
Артиллерия ныне
покрупнее. И всё ж
эти пушки – богини,
никуда не попрёшь!
...На рассвете атака.
Жарким будет денёк.
Дай-ка, сорокапятка,
русский наш огонёк!
Чтобы с пылью осела
ненавистная тень!..
Мы стоим у музея
в этот памятный день.
И нутром понимаем
всё, что спросится с нас,
мы в запасе, но знаем:
нам не время в запас!
А на пушках счастливо
гомонят пацаны –
как солдаты в Берлине
утром
после войны.

ДЕД СЫСОЙ

Дед Сысой не спал перед грозой –
всё ходил,
поскрипывал кирзой...
Громыхнёт вполнеба,
почернеет!..
Он закурит,
вслушиваясь в гром...
Дед Сысой оглох на батарее
в Сталинграде –
в сорок втором!

ИГОРЬ ПАНТЮХОВ

«КАТЮША»

Пели бабы песню на гумне:
«Расцветали яблони и груши...»
И вздыхали веялки всё глушше
В зябкой предрассветной тишине,
А потом и вовсе вхолостую
Суетился хоровод решёт.
«Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт...»
Замирали, ткнувшись в ворох, плицы,
Песню уносило ветерком,
И в тугих платках светлели лица,
Как в окладах горестных икон.
По-за лесом зорька прорезалась,
Но в тот ранний час казалось мне,
Песня про Катюшу не вязалась
С веялкой, стучашей в стороне,
С нами, ошалевшими спросонок,
Вылезшими тихо из копён,
С шелестом лиловых похоронок –
Голосящей почтой тех времён.
«Расцветали яблони и груши...» –
Слушаю,
 а сам не подпою...
Пели песню – песню про Катюшу –
Отпевали молодость свою...

НАШЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ

Михаилу Борисову

А потом,
когда и мне пришла пора
отходить своё
в морских тревожных далях, –
грудь четвёртого,
грудь боцмана в медалях
возвышалась справа,
как Сапун-гора.
Нынче –
много на планете
тишины,
нынче –
новое в погонах поколение,
но ведём своё мы летоисчисление
не от дней рождений наших –
от войны...

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Нету мили на Балтике,
нету такого квадрата,
где бы в серых глубинах
не спали устало ребята.

Последи за волной –
на просторах вдали
и у стенок
не случайно стальной
у Балтийского моря оттенок.

Это – мужества цвет,
это – цвет корабельной брони.
Ты возьми его в сердце
и как память о них сохрани.

Я в лицо их не знаю,
назвать не могу поимённо,
но, когда из волны,
как из сказки,
готовы к броску,
пехотинцы морские
выходят побатальонно –
по привычке рука
прирастает сама
к козырьку.

Словно вдруг из глубин,
отряхнув многолетние сны,
наконец-то вернулись,
вернулись ребята с войны!
Только нет, не вернутся...
Раскаты доносит прибой –
видно, там,
в глубине,
до сих пор продолжается бой...

НА ФРОНТ

... А нам не довелось играть в войну, –
не мы в неё – она играла с нами:
на фронт мы убегали пацанами,
с вагонных крыш смотрели на страну
суровую,
в морщинистых траншеях,
в сединах непокошенных полей,
в деревнях под молчаньем тополей
и в журавлях, сиротски тонкошеих.
Ловили нас в вокзалах оголтелых,
гоняли с крыш,
снимали с буферов,
и бегали мы так, что будь здоров! –
хоть неизвестно, в чём душа сидела.
А поезд снова рельсы сотрясал,
и мы в углах –
черней бездомных кошек...
Когда бы не тепло людей хороших,
я этих строк уже бы не писал...
Дань отдавая добрым их сердцам,
и тех, кто гнал нас,
я прошу,
 не троньте!
Ведь что мы знали, в общем-то, о фронте,
когда на помошь ехали к отцам?..
Теперь и мы коснулись седины,
уже давно отцами сами стали...
А впрочем,
что там крупновские стали,
когда у нас такие пацаны?!

В ПОХОДЕ

Между мной и войной
Лишь сигнал боевой тревоги.
Между мною и миром –
Цветущая кромка земли
И из сердца идущие в завтра
Большие дороги,
По которым сегодня
Мы только начало прошли.

Будет сын у меня –
Как о счастье, мечтаю о сыне,
Об упрямом мальчике
С миллионом своих «почему?».
Будет сын у меня,
Если чёрным грибам Хиросимы
Не позволю закрыть
Распростёртое небо ему.

Спит Земля.
И, наверное,
Ей утро рабочее снится.
Заводские гудки
Разлучают её с тишиной.
Мы идём по фарватеру
Чуткой, незримой границы
Между мною и сыном,
Между счастьем его
И войной.

БАЛЛАДА О ШАГАХ

*Памяти 1200 гвардейцев,
павших при штурме Кенигсберга*

В полночном свете
По остывшим плитам
Метались полы лиственной пурги...
Вдруг – ветер стих,
И чётко под гранитом
Я услыхал далёкие шаги.
Глухие,
Постепенно нарастаю,
Они прибоем близились ко мне...
Я онемел,
И оторопь святая
Меня пришила намертво к стене.
Неторопливо,
Но и не устало,
Размеренно –
Не сбиться чтоб с ноги –
От серого подножья пьедестала
Текли безостановочно шаги.
И в тишине,
Разбитой без остатка,
Нестройных звуков ширилась река:
Прошелестела чья-то плащ-палатка,
Прокрался звон пустого котелка.
Шаги...
Шаги,
От них трава пылится,
Шаги ко мне,
По мне,
Шаги во мне...
И вдруг –
Непроницаемые лица
Наметились на каменной стене:

Безусое,
Раскосое,
В морщинах,
Небритое,
С повязкой вдоль щеки...
И в такт шагам качаются на спинах
Приросшие к шинелям вешмешки.
Идут отцы,
Идут совсем ребята,
Их губы шепчут:
«Пить!..»
А может – «Жить!..»
За рядом ряд идут,
И автоматы
Ещё дымятся, не успев остыть.
Бесчисленно идут,
Бесповоротно,
За строем – строй идут,
За валом – вал...
Я жду: вот-вот,
Вот-вот охрипший ротный
Их взмахом остановит на привал.
Они опять коротким обойдутся –
Им долгие привалы не родня, –
Как у костра привычного сойдутся
И сядут вокруг у Вечного огня,
Забудутся –
Другой привал не скоро...
И сразу всем привидится во сне
Высокий город,
Многоокий город,
Плыущий в полуночной тишине.
А старшине,
Что снял с плеча тальянку
И, не раскрыв, уснул на кулаке,
Почудится: не скатка,
А Светланка

Прильнула к ощетиненной щеке.
Минёр – мальчишка с тёмными глазами –
Опять во сне –
Уже в котором сне! –
В долблёнке правит,
Правит от Казани
По волжской неподатливой волне.
А та сестрёнка...
Некогда сердечной
Присесть,
И не спеша,
Без суеты
Из сумки санитарной бесконечно
Всё тянет надоевшие бинты...
А этот ротный,
Беспокойный ротный,
Которого и дрёма не берёт,
Из всей богатой лексики пехотной
Одно усвоил:
«Гвардия, вперёд!»
Вперёд!
Вперёд! –
И не остановиться,
Вперёд!..
И в дымке предрассветной мгни
Бесследно тают, растворяясь, лица
И, удаляясь,
Глушатся шаги.
Шаги –
За взводом взвод,
За ротой – рота,
Шаги по мостовым
И по мостам,
Шаги до той стены,
До поворота,
И незаметно гаснут где-то там,

Где нет ни остановок,
Ни привала,
Там,
Где уже ни ночи нет, ни дня...
...Редеет мгла.
Рассвет берёт начало,
Крылом коснувшись
Вечного огня.

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕТЕРАНАМ

Что-то вам сегодня не поётся.
Что-то вам не шутится уже.
С каждым днём всё меньше остаётся
Вас на ветеранском рубеже.
Души наши горько холдеют,
Стынут от предчувствия беды,
Видя, как стремительно редеют
Ваши ветеранские ряды.

Да, на смену вам идут другие.
Вы дорогу дали молодым.
Только вы держитесь, дорогие, –
Мы и смерти вас не отдадим.
Умирать – не лучшая затея.
Бог простит, коль было б что простить.
А без вас земля осиротеет!..
Разве можно землю сиротить?..

Знаю я, что, поздно или рано,
Предстоит расстаться на меже...
Только вы держитесь, ветераны,
На своём последнем рубеже!..
В переделках вы перебывали.
Научились лихо воевать.
Рубежей Отчизны вы не сдали.
Есть приказ: «Последний – не сдавать!»

2008 г.

Михаил ПРОКОПЧУК

ПАМЯТЬ

А ветки всё стучат в окно...
Рябину, стройную невестку,
принёс лесник весёлый, но
в счастливый дом пришла повестка.

...И не вернулся он с войны.
Остались с ним четыре сына.
Война, война! Невыносимо:
седая мать – белей зимы.

Ей внуков никогда не знать,
не нянчить, ими не гордиться.
С рябиной век свой доживать.

Вздохнёт старуха, ляжет спать.
И долго-долго ей не спится.

ЛЕДЯНКА

Отрывок из поэмы

Берёз-подростков береста
кой-где белеет – неспроста:
лесоповал был здесь и там,
и счёта не было хлыстам.

Война играла роль свою,
и лес и люди с ног валились;
солдаты падали в бою,
берёзы падали в Сибири...

...Отборный лес, как по реке,
шёл по закованной ледянке –
то шли от фронта вдалеке
берёз ружейные болванки...

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

РЕКВИЕМ

ПОЭМА

*Памяти наших отцов и старших братьев,
памяти вечно молодых солдат и офицеров
Советской Армии,
павших на фронтах
Великой Отечественной войны*

1

Вечная
слава
героям!
Вечная слава!
Вечная слава!
Вечная
слава
героям!
Слава героям!
Слава!!!

...Но зачем она им,
эта слава, –
мёртвым?
Для чего она им,
эта слава, –
павшим?

Всё живое –
спасшим.
Себя –
не спасшим.
Для чего она им,
этая слава, –
мёртвым?..
Если молнии
в тучах заплещутся жарко
и огромное небо
от грома
оглохнет,
если крикнут
все люди
земного шара, –
ни один из погибших
даже не вздрогнет.
Знаю:
солнце
в пустые глазницы
не брызнет!
Знаю:
песня
тяжёлых могил
не откроет!
Но от имени
сердца,
от имени
жизни
повторяю:
вечная
слава
героям!..
И бессмертные гимны,
прощальные гимны
над бессонной планетой
плывут
величаво...

Пусть
не все герои
те, кто погибли, –
павшим
вечная слава!
Вечная
слава!!!

Вспомним всех поимённо,
горем
вспомним
своим...
Это нужно –
не мёртвым!
Это надо –
живым!
Вспомним
гордо и прямо
погибших в борьбе...
Есть
великое право:
забывать
о себе!
Есть
высокое право:
пожелать
и посметь!..
Стала
вечною славой
мгновенная
смерть!

2

Разве погибнуть
ты нам завещала,
Родина?

Жизнь
обещала,
любовь
обещала,
Родина.

Разве для смерти
рождаются дети,
Родина?
Разве хотела ты
нашей
смерти,
Родина?

Пламя
ударило в небо! –
ты помнишь,
Родина?
Тихо сказала:
«Вставайте
на помощь...»
Родина.
Славы
никто у тебя не выпрашивал,
Родина.
Просто был выбор у каждого:
я
или
Родина.

Самое лучшее
и дорогое –
Родина.
Горе твоё –
это наше
горе,
Родина.

Правда твоя –
это наша
правда,
Родина.
Слава твоя –
это наша
слава,
Родина!

3

Плескалось
багровое знамя,
горели
багровые звёзды,
слепая пурга
накрывала
багровый от крови
закат,
и слышалась
поступь
дивизий,
великая поступь
дивизий,
железнная поступь
дивизий,
точная
поступь
солдат!
Навстречу раскатам
ревущего грома
мы в бой поднимались
светло и сурово.
На наших знамёнах
начертано
слово:
Победа!

Победа!!!
Во имя Отчизны –
Победа!
Во имя живущих –
Победа!
Во имя грядущих –
Победа!
Войну
мы должны сокрушить.
И не было гордости
выше,
и не было доблести
выше –
ведь кроме
желания выжить
есть ещё
мужество
живь!
Навстречу раскатам
ревущего грома
мы в бой поднимались
светло и сурово.
На наших знамёнах
начертано слово:
Победа!
Победа!!!

4

Чёрный камень,
чёрный камень,
что ж молчишь ты,
чёрный камень?

Разве ты
хотел такого?
Разве ты
мечтал когда-то

стать надгробьем
для могилы
Неизвестного
солдата?
Чёрный камень.
Что ж молчишь ты,
чёрный камень?..

Мы в горах
тебя
искали.
Скалы
тяжкие
дробили.
Поезда в ночах
трубили.
Мастера в ночах
не спали,
чтобы
умными руками,
чтобы
собственною
кровью
превратить
обычный камень
в молчаливое
надгробье...

Разве камни
виноваты
в том,
что где-то
под землёю
слишком долго
спят солдаты?
Безымянные
солдаты.

Неизвестные
солдаты...

А над ними
травы сохнут.
А над ними
звёзды меркнут.
А над ними
кружит
беркут
и качается
подсолнух.
И стоят над ними
сосны.
И пора приходит
снегу.
И оранжевое солнце
разливается
по небу.
Время
движется над ними...

Но когда-то,
но когда-то
кто-то в мире
помнил
имя
Неизвестного
солдата!
Ведь ещё
до самой смерти
он имел друзей
немало.
Ведь ещё
живёт на свете
очень старенькая
мама.

А ешё была
невеста.
Где она теперь –
невеста?..
Умирал солдат –
известным.
Умер –
Неизвестным.

5

Ой, зачем ты,
солнце красное,
всё уходишь –
не прощаешься?
Ой, зачем
с войны безрадостной,
сын,
не возвращаешься?
Из беды
тебя я выручу,
прилечу
орлицей быстрою...
Отзовись,
моя кровиночка!
Маленький.
Единственный...

Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зёрнышко моё.
Зорюшка моя.
Горюшко моё, –
где ж ты?

Не могу найти дороженьки,
чтоб заплакать
над могилою...
Не хочу я
ничегошеньки –
только сына
милого.
За лесами моя ластынька!
За горами –
за громадами...
Если выплаканы
глазыньки –
сердцем
плачут матери.
Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зёрнышко моё.
Зорюшка моя.
Горюшко моё, –
где ж ты?

6

Когда ты, грядущее?
Скоро ли?
В ответ на какую
боль?..
Ты видишь:
самые гордые
вышли на встречу
с тобой.
Грозишь
частоколами надолб.
Пугаешь
угластыми кручами...

Но мы
поднимем себя
по канатам,
из собственных нервов
скрученных!
Вырастем.
Стерпим любые смешки.
И станем
больше
богов!..
И будут дети
лепить снежки
из кучевых
облаков.

7

Это песня
о солнечном свете,
это песня
о солнце в груди.
Это песня о юной планете,
у которой
всё впереди!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даём.
Именем жизни
клянёмся
павшим героям:
то, что отцы не допели, –
мы
допоём!
То, что отцы не построили, –
мы
построим!

Устремлённые к солнцу побеги,
вам
до синих высот вырастать.
Мы –
рождённые песней победы –
начинаем
жить и мечтать!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даём.
Именем жизни
клянёмся
павшим героям:
то, что отцы не допели, –
мы
допоём!
То, что отцы не построили, –
мы
построим!

Торопитесь,
весёлые вёсны!
Мы погибшим на смену
пришли.
Не гордитесь,
далёкие звёзды, –
ожидайте
гостей
с Земли!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даём.
Именем жизни
клянёмся
павшим героям:
то, что отцы не допели, –

мы
допоём!
То, что отцы не построили, –
мы
построим!

8

Слушайте!
Это мы
говорим.
Мёртвые.
Мы.
Слушайте!
Это мы
говорим.
Оттуда.
Из тьмы.
Слушайте!
Распахните глаза.
Слушайте до конца.
Это мы
говорим,
мёртвые.
Стучимся
в ваши
сердца...

Не пугайтесь!
Однажды
мы вас потревожим во сне.
Над полями
свои голоса пронесём в тишине.
Мы забыли,
как пахнут цветы.
Как шумят тополя.
Мы и землю
забыли.

Какой она стала,
земля?
Как там птицы?
Поют на земле
без нас?
Как черешни?
Цветут на земле
без нас?
Как светлеет
река?
И летят облака
над нами?
Без нас.
Мы забыли траву.
Мы забыли деревья давно.
Нам
шагать по земле
не дано.
Никогда не дано!
Никого не разбудит
оркестра
печальная
меди...
Только самое страшное, –
даже страшнее,
чём смерть:
знать,
что птицы
поют на земле
без нас!
Что черешни
цветут на земле
без нас!
Что светлеет
река.
И летят облака
над нами.
Без нас.

Продолжается жизнь.
И опять
начинается день.
Продолжается жизнь.
Приближается
время дождей.
Нарастающий ветер
колышет
большие хлеба.
Это –
ваша судьба.
Это –
общая наша
судьба...
Так же птицы
поют на земле
без нас.
И черешни
цветут на земле
без нас.
И светлеет
река.
И летят облака
над нами.
Без нас...

9

Я
не смогу.
Я
не умру...

Если
умру –
стану
травой.

Стану
листвой.
Дымом костра.
Вешней землёй.
Ранней звездой.
Стану волной,
пенной
волной!
Сердце
своё
вдаль
унесу.
Стану
росой,
первой грозой,
смехом
детей,
эхом
в лесу...
Будут в степях
травы
шуметь.
Будет стучать
в берег
волна...

Только б
допеть!
Только б
успеть!
Только б
испить
чашу
до дна!
Только б
в ночи
пела
труба!

Только б
в полях
зрели
хлеба!..
Дай мне
ясной жизни,
судьба!
Дай мне
гордой смерти,
судьба!

10
Помните!
Через века,
через года –
помните!
О тех,
кто уже не придёт
никогда, –
помните!

Не плачьте!
В горле
сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте
достойны!
Вечно
достойны!

Хлебом и песней,
Мечтой и стихами,
жизнью
просторной,
каждой секундой,

каждым дыханьем
будьте достойны!

Люди!
Покуда сердца
 стучатся, –
помните!
Какою
ценой
завоевано счастье, –
пожалуйста,
помните!

Песню свою
 отправляя в полёт, –
помните!
О тех,
кто уже никогда
 не споёт, –
помните!

Детям своим
 расскажите о них,
чтобы
запомнили!
Детям детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
 бессмертной
Земли
помните!
К мерцающим звёздам
 ведя корабли, –
о погибших
помните!

Встречайте
трепетную весну,
люди Земли.
Убейте
войну,
прокляните
войну,
люди Земли!

Мечту пронесите
через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придёт
никогда, –
заклинаю, –
помните!

1962 год.

Георгий РЯБЧЕНКО

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ДЕТСТВА

Всё крепко спало, шаг беды не слыша,
прохладою пронизанная рань,
наш тихий дом,
цветущая герань
и сизари, живущие под крышей.

И вдруг, кресты по небу распластав,
смерть ринулась
на всё поставить точку!..
Из ада выбирался в одиночку
до боли беззащитный наш состав.

Он шёл, крича о дорогих утратах,
и этот крик на весь безмолвный свет
я слышал каждым нервом...
и тогда-то
со страхом понял: детства больше нет.

Оно осталось там, за чёрной гранью
обугленной, как наш состав, зари,
где рухнул дом
с цветущею геранью,
где заживо сгорели сизари.

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Из госпитальной духоты палат
в село, что нянчат две горы крутые,
по первопутку пришагал солдат –
принёс в карманах рукава пустые.

Всё постепенно в колею вошло.
Изба от крика первенца дрожала!..
И вдруг узнало, ахнуло село,
что жёнка от служивого сбежала,
забрав дитё.

Пусть женщины простят
за разглашенье случая такого.
Ночами вы молились за солдат
и ждали хоть калеку, но живого.
А тут стряслось такое.

Почему? –
не знал никто.
Терялись лишь в догадках
и подсобляли чем могли ему.
«Ох, пропадёт», – кручинились украдкой.

Всё ж не пропал солдат
и не припал,
как ни толкало горе,
к винной кружке.
Лишь по ночам со стоном обнимал
щекой колючей детскую подушку.

Шли годы. Поседела голова.
Согнула плечи грузная усталость.
Как прежде не любил солдат слова,
которые шептала бабья жалость.
И только в клубе, глядя на ребят,
оттаивал, садился к ним в средину
и о войне рассказывал солдат
и вспоминал, что двадцать скоро сыну

(который, может, жил и не тужил
и расправлял навстречу жизни плечи,
не зная, что безрукий батька жив
единственной надеждою о встрече)...

Однажды в полдень
пыльное такси
свернуло с большака к солдатской хате.
И выдохнул безрукий хрипло:
– Сын!..
И долгожданное в ответ услышал:
– Батя!..

Застолья не видали веселей,
Ходила ходуном от пляски хата!
И видели впервые на селе
Хмельным от счастья
старого солдата.
А сын, узнавший правду об отце
От матери, с души столкнувшей камень,
Сидел, к отцу прижавшись, на крыльце
И обнимал
надёжными
руками.

ДОПРОС

Кто-то чёрный
над полем качается,
пляшет чёрная тень
на снегу.
Третья ночь.
Вновь допрос начинается.
Третья ночь –
я стоять не могу.
Мы вцепились
в подол мамин
с Вовкою
и от страха
назад подались.
Этой страшной
холодной
верёвкою
наша тоже захлестнута жизнь.

– Кто он вам?
Ветер больно кусается.
Замерзают горошины слёз.
Мамы
словно бы не касается
задаваемый жёстко вопрос.
Губы сжаты её.
Только знаем мы,
как застывшие руки дрожат.
И одно,
лишь одно ожидаем мы:
поскорей повели бы назад,
в хату.
Там – и сушняк серой грудою,
и картошины
в тёплой золе...

Нет, никто не сказался Иудою, –
потому и живу на земле.
Все одно говорили,
что Рябченко
до десятка в деревне любой,
и крестились:
повешенный Рябченко
нашим Рябченко
вовсе чужой.
... В хате няня
нас встретила в голос:
– Милые!
Разминулись с бедой.
Только где ж
твой, Михайловна,
волос? –
был что смоль,
стал что пепел седой...
Да и дядечку
жалко до боли.
Это он лапотки приносил...
Я на лапти смотрел –
видел поле,
кто-то чёрный
качался над полем,
дико ветер
внизу голосил.

Сели к печке.
Сушняк – серой грудою,
и картошки в холодной золе...
Нет, никто не сказался Иудою,
потому и живу на земле.

* * *

Гляжу на Днепр.
Днепровская вода
из вечности течёт
в иную вечность,
и времени седая бесконечность
как зыбь на ней,
без чёткого следа.
Но сколько помнят эти берега!
Откос рябой и жёлтая терраса!
По ним ступала Кобзаря нога
и конь плясал
тысяцкого Тараса.

Здесь каркал ворон, пир справляя свой.
Звала дитя тревожно кобылица.
К обрыву шла на цыпочках пшеница,
качая золочёной головой.

Здесь пулями исклёванный песок
лежит теперь как вечное надгробье
тому,
кто разлучён навеки с Обью,
омыл в Днепре
простреленный висок.
Да, сколько помнят счастья и беды
откос рябой и жёлтая терраса!
...Волна,
песок подковой опоясав,
целует молча
детские следы.

Александра САДЫКОВА

ДВА ПЛАЧА

1

Без плоти, без стали, я вся – из огня.
Я – пуля. А вы узнаёте меня?
Я – пуля. Я тихий покинула дом,
Дорогу себе пробиваю с трудом.
Пускай позади остаются года...
Быстрее! Успею? Успеть! А куда?
Ещё не усвоен вчерашний урок,
Но каждое утро на взводе курок.
Я чувствую: где-то отлита броня,
Что ждёт не дождётся расплющить меня.

2

У меня нет сына.
Я не родила Родине солдата,
Но каждая мысль о войне холодит мою душу,
Болью сжимается моё сердце...
Когда я отдыхаю в мягкем кресле,
Не мой сын лежит в холодном грязном окопе.
Когда я пью чай в своей уютной нарядной кухне,
Не мой мальчик поднимается в атаку.
Когда я сплю в тёплой постели,
Не мой сын стонет и бредит в предсмертных муках.

...У меня нет сына, но я плачу.

Владимир СЕРГЕЕВ

КОГДА ОТСТУПАЛ МОЙ ОТЕЦ

Всегда весёлый и неунывающий.
С ним все вопросы сразу станут ясными,
В его руках любое дело спорится.
И вот война – у самого крыльца.
И он сменил косоворотку серую
На гимнастёрку с кубарями красными.
Теперь фашистам крышка: вы же знаете,
Что нету никого сильней отца!

Но вести с фронта шли ещё безрадостней.
– О, Господи, какие же мы слабые!
Скорее помогли бы нам союзники!.. –
Стонала, всё ругая и хуля,
Соседка наша Марья Александровна.
А я молчал, что связываться с бабою,
Пускай болтает – никуда не денется
Вот эта вот советская земля.

В ту пору нас у мамы было четверо:
Я с бабушкою, с Лелькою и с Лидкою,
А серая коза с боками впалыми
Была на иждивенье у меня.
Нет, если б только вы на миг представили,
Какой мне это было страшной пыткою –
Паршивую козу перед девчонками
На улице пасти средь бела дня!

Как я врубался саблей деревянною
В ряды врагов, когда играл с ребятами,
О чём я думал, просыпаясь в сумерки, –
Вы не видали моего лица:
Та гадина со свастикой поганою,
С клыкастым ртом, с руками волосатыми –
Вы сами по плакатам её помните –
Была сильнее моего отца.

Жара всё злее, сводки всё тревожнее.
Бои с неисчислимymi потерями.
И триста граммов чёрного по карточкам.
Одесса пала. Севастополь пал.
Но я играл в Гастелло и Чапаева
И верил я, и все мы твёрдо верили
В те дни, когда со всею Красной Армией
Отец мой к Волгограду отступал.

РАССКАЗ АНАСТАСИИ ВАСИЛЬЕВНЫ

— Как получит баба похоронку —
Разве с горем спрячешься в сторонку, —
Чуть ли не об стенку бьётся головой,
И на всю деревню слышен бабий вой...
Взвалит вдовью долю на худые плечи
И опять за дело — ведь другим не легче.
Выходил с весною в поле весь колхоз.
Сев ещё не кончен — вот уж сенокос.
И без передыху, как умеем, косим,
А уже уборка — поспевает осень.
Чуть ли не всю зиму бьёмся с обмолотом,
Тащим из-под снега те снопы... Да что там!
Рассказать непросто, как буквально все
День и ночь крутились в этом колесе.
И о том успели фильмов показать
Много... И об этом враз не рассказать.
Мы тогда хлебнули горюшка до дна —
Часто ни еды, ни отдыха, ни сна.
И бывать случалось слабыми, недужными,
Но мы всё же были сильными и дружными
И фасон держали боевой, хоть тресни —
На работу с песней и с работы с песней...
Хоть и приходилось уставать до смерти,
Умудрялись даже выступать в концерте.
На колхоз, на дом свой, на детишек малых
И на шутку духу бабьего хватало...
Наши отступают — силы напряжём:
Чувствуйте поддержку матерей и жён...
После Сталинграда, Курска и Орла
Жизнь не то что легче — веселей пошла.
Сил нам прибавляли фронтовые вести,
Мы к Победе нашей шли со всеми вместе.

БУДЕТ ДЕНЬ

Будет день, когда с Девятым мая
Так же на века в почётный ряд
Встанет неминуемо другая,
Самая желанная из дат.

Сколько навсегда должно традиций
В этот день бессмертный отмереть:
В «Правду» – на четвёртую страницу –
Без тревоги будем мы смотреть.

И пойдут одною лишь войною
По земле строителей полки –
Если защищаться, то от зноя,
Если наступать, то на пески.

И, покончив с ненавистью лютой,
Вспоминая прежние бои,
Только лишь для праздничных салютов
Мы орудья сохраним свои.

О ГЕРОЯХ

Всё о них в веках и поколеньях
Память благодарная хранит:
Преданность, любовь и вдохновенье,
Сталь и бронза, мрамор и гранит.

Но отбрось сказания и песни
И взглянись позорче в глубь времён –
Сколько невоспетых, неизвестных,
Обойдённых славою имён...

Пролети насквозь по всем широтам –
Дебри, кручи, реки и поля, –
Пахнет воздух их горячим потом,
Кровью их пропитана земля.

Дорого им каждое мгновенье.
Хоть судьбы им лёгкой не дано,
Сколько душ согрето их гореньем,
Сколько сил их жизнью рождено!..

Счастье человеческое строя,
Пробиваются путь они вперёд.
Разве перечислишь всех героев,
Если имя им у нас – народ.

* * *

Сошлось всё село в годовщину Победы
На площадь – от малых детишек и женщин
До самых беспомощных бабок и дедов.
На триста дворов – похоронок не меньше.

Пропавших и павших составлены списки,
Чтоб их имена как святое наследство
Торжественно замуровать в обелиске,
Построенном на колхозные средства.

И вместе с письмом к землякам их – потомкам
Зачитаны эти фамилии были.
И тут над толпой раздалось вдруг негромко:
– А Нинку-то, Нинку мою? Позабыли?..

Забыли. Ведь надо такому случиться!
Жила ведь в колхозе такая дивчина,
Работница, петь и плясать мастерица
И многих тогдашних конфликтов причина.

На фронте она проявила отвагу
И жизнь отдала в боевом поединке.
Достали чернила, внесли в ту бумагу
Фамилию, имя и отчество Нинки...

«Никто не забыт, и ничто не забыто...»
Как много безжалостным временем скрыто
Невидимых жертв, героических вех...
Сумеем ли

живь мы под этим заветом?

И сможем ли
помнить всем сердцем об этом?
И хватит ли
нашего сердца для всех?..

Валерий СЛОБОДЧИКОВ

ОТЕЦ, МЫ СРАВНЯЛИСЬ ГОДАМИ

Стопка с водкой.
Сверху хлеб, посоленный круто.
На пунцовой парче награды:
два ордена Красной Звезды
(с уголков откололась эмаль),
счёт медалям открывает «За боевые заслуги»...
– Здравствуй, батя.
Сегодня – 9 Мая.
Стол накрыт.
За тобой, как и прежде, первое слово...
Вот только дождёмся к застолью внука...
Три красных гвоздики к портрету.
Рука молодая пробежалась
по выцветшим лентам колодок медалей...
– Сын, что так пристально смотришь на деда?
– Слышишь, батя,
вы с дедом сравнялись годами...
Выпита стопка.
Затянулась минута молчания.
Память горько-солёной слезой
просочилась сквозь годы...
– Что нам скажешь, отец?
– Спасибо за память.
Идите на площадь,
там люди, там всегда молодая Победа.

Владимир СОКОЛОВ

ОКНА

Фронтовики с Победой возвращались.
Счастливым светом окна освещались.
И золотые тропки по реке
бежали

и терялись вдалеке.

И, задыхаясь, плакала гармошка,
и балалайка тренькала взахлёб,
и долго в ночь таращилось окошко,
выплёсывая радости потоп...
Но сколько тёмных окон оставалось,
Победа им лихой ценой досталась...
Как вспомню наше

тёмное окно,
так снова у меня в глазах темно...

Алексей СОТНИКОВ

В ОКОПАХ

Когда сползёт в траншею с кручи
Солдат, ни слова не сказав,
Когда песок струёй сыпучей
Течёт в открытые глаза, –

Мы видим смерть. И пальцы сами
Упрямо тянутся к куркам,
И скорби дым, и мести пламя
Бушует в залпе по врагам.

А вместе с тем, и это свято,
Когда солдат падёт в бою,
Душа живущего солдата
Жалеет сироту семьи.

Пускай недолог срок до боя,
В котором пасть ему черёд,
Припомнит он, в село какое
К семье кормилец не придёт.

В спокойный час единый за день
Заточит карандаш штыком
И, лист разгладив на прикладе,
Он долго шепчет над листом,

Как будто тут, в окопе длинном,
Он перед женщиной седой,
Что сотни раз оплачет сына,
А будет ждать его домой.

Бывает, дружная пехота
Вдруг распоётся – не унять,
Но и тогда не в силах рота
Забыть горюющую мать.

Поют бойцы, а в песне снова
Всё те же горечь и беда.
«..Жена найдёт себе другого,
А мать сыночка – никогда».

РЕГУЛИРОВЩИЦА

Если есть среди нас былинный,
Пьедестала достойный герой,
Это – девушка с карабином
У шлагбаума в стужу и зной.

Под Можайском в её сигнале
Кровь мне виделась издалека,
В Заднепровье нас провожали
Соколиные взлёты флагжа.

Не развилки и переправы –
Путь к победам вверяли мы ей.
На геройской скрижали славы
Сохрани её, память людей!

Бьётся солнце в Берлине с мраком.
У рейхстага, встречая восход,
Под советским дорожным знаком
Наша девушка вахту несёт.

– Путь свободен! –
В воздухе зыбком,
Пламенея, порхает флагжок,
На курносом лице – улыбка,
Над глазами – кудряшек виток.

А глаза до того родные,
Что душа начинает цветсти, –
Будто рядом сама Россия,
Отстоявшая к миру пути!

К ПОРТРЕТУ С ФРОНТА

Хотя на карточке военной
И весел я, и брав на вид,
А мать родная непременно
Её слезами окропит.

Отец открыто не заплачет,
Но этот снимок в свой черёд
Не раз, не два к глазам незрячим
Рукой дрожащей поднесёт.

Им будет нелегко заметить
Со стариковской слепотой,
Что у солдата на портрете
Уже Карпаты за спиной.

А мне в тот полдень или вечер
Уж мерить прусские края,
Мечтать упрямее о встрече,
Твердить, надежды не тая:

– Пусть до Алтая путь огромен,
А впереди сражений дым,
Я скоро буду в отчём доме
Не на портрете, а живым.

Борис СТУКАЧЁВ

ПЕРВЫЙ БОЙ

Всё было буднично и просто,
И вот опять, в который раз,
Наш батальон,
дождём исхлёстан,
Залёг в густеющую грязь.

Обняв приклад, я жду ракеты.
Беру спокойно под обрез
Дождём размытые приметы –
Дорогу дальнюю и лес...

Ракета вверх...
Рывком коротким
Перебежать и рухнуть вниз...
Закатом высветившись, сопки
Пожаром алым занялись.

Земля не знала в буйстве лета,
Цветами нежась и живибём,
Что трудный бой учебный этот
Был первым боем за неё.

МАТЕРИ

Прощаясь с задумчивым колком,
С гнездом, с разнотравьем полей,
Летит высоко над посёлком
Последний косяк журавлей.
Стоишь, замерев, у порога,
Смиря волненье души...
Петляет полями дорога
У скирд обмолоченной ржи.
И там, вдалеке, пропадает,
Змеится в другое село.
Ты долго стоишь и вздыхаешь.
И сердце стучит тяжело.
И в горнице –

сразу пустынней.

Тогда ты, войдя из сеней,
Солдатскую карточку сына
Поправишь на белой стене.
Становишься твёрже и строже,
Затеплится гордостью взгляд.
Значки на груди моей тоже
О многом тебе говорят.
А ночью тебе, мать, не спится.
Всё думаешь – так суждено:
Сейчас заскрипят половицы,
Сейчас постучу я в окно.
Могла б – отвела все напасти,
Могла б – заслонила собой.
Как мало плачу я за счастье,
Для счастья рождённый тобой!
...Большая душевная сила
Отсюда мне лучше видна.
Ты ждёшь возвращения сына.
Родная. Простая. Одна.

БАТЯ

Он как-то весь завидно прост и ровен,
И в меру строг, и справедлив всегда.
Под знойным ветром выцветшие брови
Он от забот не хмурит никогда.

Он учит нас солдатскому искусству –
Атакам и броскам средь переправ,
Все наши думы, чаянья и чувства
В большое сердце бережно вобрав.

Когда рывком бросались через бруствер,
Плечо немного выдвинув вперед,
Он говорил сержантам с тёплым чувством:
– Орлы! Какая гвардия растёт!

Всё пережитое в негромких ратных буднях
У тонких губ морщинками легло:
Ведь он легко и щедро дарит людям
Своей души бесценное тепло.

С ним при невзгодах сил любому хватит.
Его житейской мудростью живём.
Родным и с детства близким словом «батя»
Междусобой мы все его зовём.

Валерий ТИХОНОВ

ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ

Туман у речного вокзала
захапал тот берег и мост.
Заря ещё не показалась,
лишь окунем сплавила хвост.

Попутчики спорят о дачах,
о ягодах и о грибах,
о том, что сентябрь только начат,
а клёв уже напрочь зачах...

Но этих ничуть не печалит,
что в рейс теплоходу нельзя –
деды повстречались случайно.
А в юности были друзья...

Их эта задержка связала.
Их память ведёт во весь рост!..
Туман у речного вокзала
захапал тот берег и мост...

ЭПИЗОД

...Мы
от военкомата,
остриженные
наголо,
под громкую
команду
пошли
притворно наглые.

Нас
проводили родичи,
нам
девушки махали,
а мы,
«причёской» модничая,
держались понахальнее.

Мы пацанами были
ещё,
но,
как героев,
нас на руках
носили
по людному перрону...

Сергей ФИЛАТОВ

КОНТУЖЕНЫЙ

Он в угол смотрит вечерами.
Он к одиночеству привык.
Там – только рамки фотографий
Друзей далёких фронтовых.
Друзей далёких...

Вечер долог,
Старик давно от всех далёк.
Лишь иногда в померкшем взоре
Мелькнёт знакомый огонёк.
– …Огонь! Огонь!..
Сухая глина
Забила рот.

Разрывы.
Стон.
И привкус крови – тёплый, липкий...
И страшный звон...
Проклятый звон!
Уйти хоть в стылый мрак осенний
Из серой каменной тюрьмы,
Где беспощадно и всецело
Довлеет память над людьми.

НА РЫБАЛКЕ

У птицы малиновый голос, –
Она нам поёт про закат.
И мы, не видавшие горя,
И горя хлебнувший солдат –
Сначала дрова собираем,
Потом разжигаем костёр,
И чай по-таёжному варим,
И мирно ведём разговор.
Звезда на потёртой пилотке
Нам будет вечерней звездой.
И вдруг удивлённо и робко:
«Какой ты... отец... молодой!...»
«Да что ты, сыночек, да что ты,
На пенсии вот, – инвалид...
Ни горя тебе, ни заботы...»
А сердце болит и болит.
Рванул колокольчик – тревога!
Клюёт! Не иначе большой!
Вскочил он, хромает на ногу –
Видать, зацепиловойной...

Евгений ФИЛОНЕНКО

ДОРОГА ЗА ОКОЛИЦУ

Туда, где каждый день садится солнце,
Неровной стёжкой

по сердцу легла,
У рощи, мимо старого колодца,
Дорога за околицу села.

Дороги этой нитка-паутинка
Давно уже годам забыла счёт.
И не дорога, в общем-то, –
тропинка,
Да только вот быльём не зарастёт.

...Когда войны разверзнулась пучина,
А войн на всех у нас хватало тут,
Дорогой этой шли на фронт мужчины...
Они до сей поры по ней идут.

Идут незримо!...
Даже малой птице
Кричать над ними, право, невдомёк,
Когда воды колодезной напиться
Присядут мужики – на посошок.

Неслышно отлетает лист с берёзы.
Синеет поднебесья бирюза.
Колодец тот прозвали Вдовьи слёзы.
Пригорок рядом – Мамины глаза.

Глядят они задумчиво и строго.
Грустит на склоне древняя ветла...
Не заастает старая дорога –
Дорога
за околицу
села.

9 МАЯ

Всё дальше и дальше уходит от нас
Тот страшный июнь, тот негаданный час,
Где, сёла и судьбы сжигая дотла,
Нависла над миром проклятая мгла...

И дни потекли, как холодные льдины...
Один за другим уходили мужчины.
И не было боли на свете страшней,
Чем боль в постаревших глазах матерей.

...Алеют цветы у живого огня,
Священную память о павших храня, –
Во имя великого майского дня
Живые цветы у живого огня.

Бывалый солдат и безусый юнец
Сегодня в едином порыве сердец.
И девочка с шариком – прядь-завиток –
Подносит солдату весенний цветок.

Григорий ЧАРИКОВ

ЖИВАЯ ВОДА

Мы держали оборону.
И, как самый молодой,
Каждый раз спускался к Дону
Я ночами за водой...
Автомат мне давит шею,
Котелки ладони жгут.
Я ползком спешу в траншею,
Где меня солдаты ждут.
Пьют бойцы, не брякнув крышкой,
Шутят ласково со мной:
«А нельзя ль достать, братишка,
Нам ещё воды живой?»
Вспомнил я родник пригорный,
Скрытый порослью берёз.
И однажды ночью чёрной
Я воды живой принёс.
А к рассвету бой случился –
В каждом дух победы жил, –
Кто-то выжил, отличился,
Кто-то голову сложил...
С высоты восьмидесятых
Многим это не понять –
В сердце старого солдата
Боль утраты не унять.
Даже дня не проходило,
Чтоб не вспомнилось на миг –
Фронтовых друзей могилы
Да с живой водой родник.

Сергей ЧЕПРОВ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

И не важно, где бы я ни был,
Обязательно с утраца
С майским праздником –
с Днём Победы! –

Я спешу поздравить отца.

Он стоит у окна, сутулясь,
Не отпустит сердце никак.
Первый раз
провисит на стуле
С орденами его пиджак.

Первый раз он «Ура!» не крикнет
И «наркомовские» сто грамм
Первый раз сегодня
не примет –
Не советуют доктора.

Светлый день,
он с печалью смешан...
Сердце тронет вдруг холодком:
С каждым годом всё меньше,
меньше
На параде
фронтовиков.

ФРОНТОВИК

Домишко дюжит лишь молитвой.
И редкий гость зайдёт сюда.
Над покосившейся калиткой
Давно поблёкшая звезда.

Былой войны стратег и тактик
Не смог жилья отвоевать.
Умел он отбивать атаки,
А не пороги обивать.

Из-под очков сверкнув «нулями»,
Чиновник проворчал в ответ:
«Ты, дед, своими костылями
Попортил новенький паркет...»

И понял дед, что в сече правой
Одна и правда, и беда.
А хитрость кабинетных правил
Он не постигнет никогда.

В бою под пулей не склонялся,
И жизнь, и совесть сохраня:
«Но бить поклоны, извиняйте,
Вы не заставите меня».

Давно молчат часы с кукушкой,
Забор в обнимку с клёном сник...
Вот так в избушке-зavalюшке
Век доживает фронтовик.

9 МАЯ

Кровавый снег растаял, словно не был,
И гул разрывов не вплетался в сны.
Я был рождён уже под мирным небом,
Спустя всего шесть лет после войны.

Следы боёв с земли ещё не стёрлись,
Хоть по столам дымились пироги.
Ещё вовсю носились гимнастёрки
И во дворах скрипели сапоги.

Мы все тогда в одну игру играли,
Хмелея от атак и от побед.
И я цеплял отцовские медали
за взятие Вены и за Будапешт.

Я слушал песни о походах славных,
Дышал настоем праздничных хлопот
И принял этот день одним из главных, –
Как день рождения или Новый год.

Пока во мне хоть что-то есть живое
И коли ноги донесут меня,
Я буду со склонённой головою
В тот майский день у Бечного огня.

ГОРОД-ГЕРОЙ

Есть города, что к концу войны
Слили с землёю небо.
Им звёзды к знаменам прикреплены.
Мой город в атаках не был.
Не видел кварталов, спалённых дотла,
Не слышал минного визга.
И всё же была война!.. Да, была
На каждой улочке Бийска.

Стучала под окнами на костылях,
Нужду насыщала и голод
И превращала в госпиталя
Просторные, светлые школы.
Детей, старииков приводила к станкам,
Хлеб резала в ломтики тонкие...
Её безжалостная рука
Несла в дома похоронки.

Есть города, что к концу войны
Слили небо с землёй.
И всё-таки каждый город страны
Тогда был – город-герой!

Николай ЧЕРКАСОВ

ПАНФИЛОВО

У водоёма хилого
открыто и светло
стоит моё Панфилово –
родимое село.
Ничем не знаменитое,
лишь бор да суходол,
в глухи, но не забытое
среди подобных сёл.
Я с гордостью, не с гонором,
скажу, не побоясь:
с любым российским городом
оно имеет связь.
Лежат ребята здешние,
покинув отчий дом,
под Ельней и под Стрешневым,
под Курском и Орлом...
Живёт оно заботами
без скидок на удел,
без устали работает
по части хлебных дел.
Рожает, любит, учится,
толкует о луне,
о беспокойной участи,
о мире, о войне...
Скажу не ради красного
словца, а так и есть:

любителям сенсации
не поживиться здесь.
И только очень чистые
и честные глаза
заметить смогут истину
простую, как лоза, –
что, помня долю трудную,
живут из века в век
любовью обоюдною
земля и человек.

ВДОВИЙ КРИК

Мой отец погиб за Ленинград
 рядовым солдатом без наград,
 похоронен был в окопе тесном
 на пригорке ныне неизвестном.

Он погиб по-будничному просто,
 даже слова не успел сказать,
 над его безвременным погостом
 не скатилась ни одна слеза.

Но кричала мать на всю округу
 безысходным криком русских вдов
 так, что осыпались с перепугу
 голуби с церковных куполов.

И беда усерднее набата
 повторяла крик её стократ
 в деревнях, похожих на солдаток,
 в городах, похожих на солдат.

Тем истошным криком бабьей доли
 до сих пор душа моя полна,
 и, пока он жив во мне, дотоле
 для меня не кончится война.

ВОЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

На фотографии военной
парнишка снят в семнадцать лет
в шинели выцветшей бессменной,
которой век износа нет.
Глядит он строже полководца,
всю душу высветив до дна.
В его глазах, в глазах-колодцах,
войны трагедия видна,
боль в отрещении солдатском
от права «жить или не жить»,
как будто он могиле братской
уже давно принадлежит.
Как будто мы эпохи дети
одной и той же грозной, но
мне жизнь и смерть его на свете
вовек постичь не суждено.

ШЁЛ ПО УЛИЦЕ СОЛДАТ

Шёл по улице солдат
демобилизованный –
на груди медалей ряд,
сапоги кирзовые.
Шёл солдат, печатал шаг,
но уже по-штатскому.
Пела тенором душа
песню залихватскую
о судьбе его,
войной
крученой и верченой,
что остался он живой
и непокалеченный,
что вернулся он в края,
на чужбине гревшие,
где речушка есть своя,
хоть и обмелевшая,
где покамест не жена,
но и не окольная,
есть девчонка, что ждала
письма треугольные.
Шёл солдат навеселе,
в такт медали звякали...
В этот день во всём селе
долго вдовы плакали.

ПЕЛИ СОЛДАТКИ

Пели солдатки
грустную песню.
Пели они
о пропавших без вести,
пели о юности,
рано сгоревшей,
сны безмятежные
не досмотревшей...

Пели солдатки
протяжно и нежно
о недолюбленных,
недолюбивших.
Шла эта песня
по улице снежной,
словно солдат
на побывку прибывший.

Пели солдатки.
О, как они пели!
Так, что село
обходили метели,
так, что (скажу вам
по правде, по чести)
быть мне хотелось
пропавшим без вести.

* * *

Помню военное лето,
вкус молодой лебеды
да за околицей где-то
поступь неясной беды.

Детство моё голубое –
смутная сказка, а в ней –
жмых, отвоёванный боем
в яслях колхозных свиней.

Нет, не забыть, не отринуть,
не обойти стороной
то, что сумеет остынуть
только лишь вместе со мной.

Хриплые звуки шарманки,
скорбные песни слепца,
шёпот гадалки цыганки
про удалого бойца.

Слёзы покрепче рассола.
Волчье истощье во мгле.
Голос запевки весёлой –
как преступленье в селе.

ПЛЯСАЛИ БАБЫ

Плясали бабы в День Победы,
плясали,

шаткий пол дробя,
забыв про горести и беды,
забыв на миг самих себя.

Мелькали радостные лица,
теснились дети по углам,
и ничего,

что половицы
грозили лопнуть пополам.
На балалайке с красным бантом
пацан «Подгорную» играл,
я вдохновенней музыканта,
пожалуй,

в жизни не видал.

Старик с бородкою сусальной
шептал старухе горячо:
«Четыре года не плясали,
а, погляди-ка, деют чё!..»
Плясали бабы,

с жалким звоном
стаканы падали из рук...
И Богородица с иконы
смотрела горестно на круг.

Дмитрий ШАРАБАРИН

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

У конторы ходили кони.
Майский ветер в тайге бродил.
Председатель на подоконник
Ящик – радио – взгромоздил.

Здесь, где время идёт не скоро,
До столицы, как до луны,
Левитана победный голос
Возвещал о конце войны.

В небе коршун тревожно реял...
Позабывшая про дела,
Вестью поднятая деревня
Ковыляла,
бежала,
шла...

У конторы скопились.
Тише!
Голос плыл над шатрами крон,
Над людьми, над конторской крышей –
Сквозь пространство и крик ворон...

Как на бурных волнах качаясь,
Под весенний напев тайги,
То слабея, то вновь крепчая,
Широко расплескался гимн!

Шелестя над конторской крышей,
Пламенел на ветру кумач,
А под ним всё слышней, всё выше
Из толпы поднимался плач...

Затихали вокруг берёзы,
И немел вековой кедрач...
Заполнял он округу – слёзный
Вдовий плач,
материнский плач...

Заглянуть бы в простор грядущий!
Нынче – эх! – набирает рысь
Мир беспамятный и бездушный,
Исповедующий корысть.

Я чужой в нём. Живу иначе.
Мир мой – прожитые года.
Не смеюсь, когда кто-то плачет.
Мне чужая беда – беда!

От раздумий нелёгких маясь
В суматохе бегущих лет,
Я до слёз теперь понимаю
Грусть земли,
печаль журавлей...

И покуда новые беды
Не отшибли память и слух –
Буду слышать я в День Победы
Вдовий плач да причёт старух.

БАЛЛАДА О ЗОРЬКЕ

*Мне ж, голодавшему
Долго и тяжко,
В пользу пошло
Молоко коровье.
Василий Фёдоров*

Задумаюсь – очнётся память.
Вчера как будто – боже мой! –
Шагала Зорька с вольных пастбищ
Туманным вечером домой.

Шагала тяжело, упрямо
По остывающей тропе.
И разговаривала мама
С ней нежно-нежно, нараспев.

Костёр чадил. Заря горела.
Дымок стелился по траве.
А Зорька на меня смотрела,
Вздыхая, словно человек.

Она как будто понимала
Всё, что творится на земле...
Живёт во мне, не унимаясь,
Боль-память тех военных лет.

Я выжил в хмурой жизни горькой,
Где долго таяли снега.
От голода спасла нас Зорька
Да вечно хмурая тайга.

Когда орудия устанут
И вся земля вздохнёт легко,
Пусть стратегическая Ставка
Учтёт парное молоко.

Как за победы в рукопашных –
За жизни! – в страшные года,
Я, не жалея, Зорьке б нашей
Отечественный орден дал!

Посмертно. Без вести пропавшей, –
Когда черёмуха цвела
И дымный пар стоял над пашней,
Со стадом Зорька не пришла.

Взгляну в простор: у горизонта –
Тем временам не устареть! –
Всё ищет,
ищет
дом наш Зорька
В тайге вечерней
на заре.

ПЕСНЯ

Вдовий плач по деревне звенит.
Анна Ахматова

Песня, песня –
Ширь-томление,
Боль-отрада –
Над рекой,
Тополями в отдаленье,
Неоконченной строкой.

Заревой волной упрямой
Затопила сельский край.
Как её любила мама
У вечернего костра!

Как она её певала –
Сокровенно,
Не спеша,
Потому что песня знала,
Отчего болит душа.

Знала тягость
Вдовьей доли –
К горлу катится
Слеза!
Столько выстрадано горя –
Только в песне рассказать.

В ней печаль
И боль сквозная
Похоронных горьких строк...
Песня – даль моя родная.
Обелиски у дорог.

ВЕТЕРАН

Жива Россия!
Нет награды
Святей и выше для меня,
Солдата, что под Сталинградом
Стоял на линии огня.

«...Шли «юнкеры» за стаей стая,
Вздымая чёрные столбы,
И пушки, землю сотрясая,
Захлёбывались от стрельбы.

Пожарища – до горизонта!
Мамаев плавился курган.
Сквозь дым не пробивалось солнце,
И выдыхалась спесь врага.

Пока в отставку жизнь не вышла –
Мне видеть в снах, что было там.
Из тех немногих я, кто выжил.
Плесните сто окопных грамм

За батальоны. Не вернуть их!
Душа по-прежнему болит.
Пусть вечной памяти минута,
Как всполох, время озарит.

Моя судьба – свинцом навылет.
Храни, Господь, родную даль!»
...Где боль вошла, теперь не выйдет! –
Прикрыла старая медаль.

СОЛДАТ

*Из воспоминаний боевого ветерана
о начале Великой Отечественной войны*

Возле сгоревшего села
В бою полёг отряд пехоты.
Вперёд победным маршем шла
По гарям вражеская рота.

Обугленная лебеда,
Церквушки почерневший остов.
Но ожил вдруг один солдат
У немцев перед самым носом.

Из праха, дыма и огня –
Так феникс восстаёт из мёртвых! –
Солдат поднялся с пулемётом,
Врагу дорогу заслоня.

Необъяснимая страна
С времён таинственных былинных! –
Свинцовой очередью длинной
Вдруг раскололась тишина.

Сплеча, отчаянно, вnamёт –
За всех погибших в обороне
Бил разъярённый пулемёт,
Пока не кончились патроны.

А русский парень, тот солдат,
И сам, наверное, не ведал,
Что был предвестником тогда
Далёкой будущей Победы.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

«— Выходит, вся война
средни психической атаке?
— Думаю, да».

Юрий Козлов
(Эпистола «Психическая атака»)

Проверенные вояки.
Элита. Характер крут.
Психическая атака –
Не стой на пути. Сметут.

Сквозь грохот и вой снарядов
Хрипели вдали слова:
«Дивизия СС рядом –
«Мёртвая голова»!..»

Ночью звонок из Ставки
(Акцент. Холодок в крови):
«Психические атаки
Фашистов остановить».

У нас не впервой авралы.
Священна России честь!
Задумались генералы:
«Такие солдаты есть!»

И вот, словно из металла,
Напориста и строга
Дивизия наша встала
На чёрном пути врага.

«Браты! Погуляем вволю!
Другого ведь не дано.
Здесь нам Куликово поле
И здесь нам Бородино!»

Ни танков, ни самолётов,
Ни пушек, ни пулемётов –
Сошлись – на грозу гроза –
Две силы глаза в глаза!

Две ярости в рукопашной,
Последней, смертельной, страшной!..
Где общая кровь рекой!..
Остановилось солнце!..
Хруст, хряст, матюги и стоны
Слышны были далеко!..

Испуганно ветер реял!..
Как скошенная трава
Лежала дивизия рейха –
«Мёртвая голова».

Победа!
Но все герои
Умаялись навсегда.
И некого было строить.
И некого награждать.

СЛОВО СЕРГИЯ

Метель нахлынула внезапная,
Пространство стрелами разит.
Как будто вновь – с востока ль, с запада –
Идёт Чингиз иль чингизид.
Опять ни отдыха, ни праздника!
Который век? И день, и час?
Благослови нас,

Сергий праведный!

Как много их! Как мало нас!
Свечною Вега вспыхнет вечером,
И павших нам не оживить.
Но будет Русь стоять извечная
И строить храмы на крови!
Пусть не погаснет слово Сергия –
Ведь за бедой идёт беда! –
Как веры свет, души спасение,
Ни днесь, ни завтра – никогда!

Виталий ШЕВЧЕНКО

ПАМЯТЬ СО ВЗДОХОМ

Полтавские веси... Бушуют сады,
и очень пока далеко до беды.
Вздохнёт ещё осень, закружит весна,
и только в июне начнётся война...
Я молод, беспечен, не верю в беду.
Как тень, как хмельной за девчонкой иду.
Не верю, что близок кровавый рассвет...
Мне так хорошо – девятнадцати нет!
Вокзальный перрон. Рядом мать и отец,
девчонка, как солнце, и я, как птенец, –
влюблённый, счастливый, всесильный, шальной,
с друзьями толкусь за отцовской спиной.
Легко расстаюсь – без тревоги и слёз,
не зная, что это – навеки, всерьёз...
В теплушки армейской – мальчишки, разброд...
Судьба

в сорок первый
увозит нас год...

* * *

Ещё мальчишкой видеть мне пришлось,
как носят шрамы – ноющую злость.
То на погоду – сослепу, спросонок,
в ноге отца ворочался осколок...
Затем и мой пришёл-таки черёд:
в атаку вёл я поредевший взвод,
и пошатнулся, и упал плашмя
с осколками слепыми – четырьмя...
Утихли грозы. Схоронил отца.
Подрос сынок, надел шинель бойца.
На теле – ни царапинки пока...
А впереди –

века,
века,
века...

МОИ ОДНОГОДКИ

Я – двадцать второго...
Пусть пятится память назад:
мои одногодки
там в братских могилах лежат.
Они не сдавались
и не зарывались в стога.
Они устояли,
они одолели врага.
Но так получилось:
бомбёжки, бои без конца...
На каждого было отлито
по тонне свинца...
Прорывы,
десанты,
 атак громыхающий ад...
Мои одногодки не знают дороги назад.
Курганы над ними,
гранит обелисков,
поля...
Не домом, а пухом
им стала сырая земля.
Из пепла восстав,
не она ль хорошеет вокруг?!
...Услыши меня, Лёшка!
Проснись, нестареющий друг!
Ты помнишь рубеж,
за которым, как змеи, враги?
И просьбу последнюю:
«Брось!.. Медсестре помоги!..»
А этой сестрёнке
семнадцатый, может, годок.
Ей пуля слепая
кудрявый задела висок,
и сникла девчонка,
как после ожога трава.

Глазами прощалась.
В зрачках остывали слова.
Стонала земля,
будто враг ей под сердце пырнул.
Горячий осколок
тогда и меня сковырнул...
Но выдюжил. Выжил.
И снова – вперёд и вперёд!
Не Фриц по Москве,
а Иван по Берлину идёт, –
была на рейхстаге
подобная этой строка
впечатана сталью
видавшего виды штыка.
Когда это было?
Забылось?
И боль улеглась?
О нет! А осколки?
В них память, как кровь, запеклась.
А слёзы сестрёнки, её остывающий взгляд?
Мои одногодки
не знают дороги назад...
Они не простили –
за это ручаюсь вполне.
В своих батальонах
всё также они на войне.
По горькому праву для них я –
поныне солдат.
Мои одногодки
мне пристально в душу глядят...

СОРОК ПЕРВЫЙ

Ни зрелости,
ни срока не хватало,
когда судьба,
толкнув в водоворот,
топила нас
и походя спасала,
взвалив на плечи сорок первый год...
Дымилась даль,
маячили погосты,
и было до салютов,
как до звёзд...
Мы устояли в громе перекрёстном!
Теперь бы нам
подняться
в полный рост.

* * *

Надежды живут и в аду,
и это не блажь и не враки:
я помню себя в час атаки
в последнем военном году.
Разрыв за разрывом копной
вставал возле вражьего дома,
а в воздухе пахло весной
и эхом победного грома.
Не птицы, а пули в дыму,
осколки свистели упрямо...

Я выжил тогда потому,
что долго не виделся с мамой.

* * *

Когда земля от ран стонала,
хлеба горели, шли бои,
душа к возмездию взывала
и забывала о любви.
И для родившихся в сорочке
с горчинкой был победный тост...
Зато потом я к сыну, к дочке
и даже к правнукам прирос.
Теперь они – мой след в народе!
Я сросся с ним, вошёл в него,
как корень дуба на исходе
тысячелетья своего.

* * *

Погибших всё явственней вижу,
когда к обелискам хожу.
С годами чем дальше, тем ближе
я к вечному их рубежу.
Наверно, на тех перекатах,
где друг мой остался и брат,
поныне не стихли раскаты
снарядов чужих и гранат.
Наверно, там враг ещё прочит
погибель нам...

И потому
их раны ещё кровоточат,
им света не видно в дыму.
И хочется им до озноба
подняться,
осилить беду...
...Друзья, подождите немного –
я к вам на подмогу иду!..

* * *

За взрывом – взрывы.
Дым.
Обозы.
Война...
Забыть я не могу,
как навзничь падали берёзы
и затихали на снегу.
Теперь же по горам и долам
опять стройны они, крепки.
На них затейливым узором –
светло-зелёные дымки.
Дымки – ещё и не листочки,
но бродит сок хмельной в стволе.
Весна!..
Стреляют только почки,
и пахнет жизнью на земле.

Идалия ШЕВЦОВА

НАДЕЖДА

Был воздух радостью настоян.
И я играла под листвою
чёрёмухи душистой майской
в юбочонке простенькой
и в майке...

Я знала,
мой отец погиб.
Но... вдруг
из-за угла пристройки
мелькнули чьи-то сапоги,
я подняла глаза,

и... строгий
шёл офицер при орденах.
Я замерла от удивленья –
он к дому нашему свернул?!
Какие могут быть сомненья,
так орден радостно сверкнул!
«Мой пapa,

папка...

Ты вернулся?!» –
из горла вырвалось, как стон.
Мужчина резко обернулся:
«Ошиблась, девочка».
...И я к черёмухе –
листом.

* * *

День Девятое мая
Вновь и свежий, и чистый,
Солнца пульс так играет,
Что светятся лица.
Но холодный излишне
Маєт утренний ветер –
Это души погибших
Гуляют по свету.
И выходят все вместе
На живых поглядеть...
В День Победы
Таинственно
Их присутствие здесь.

ТРЕПТОВ-ПАРК

Несутся мимо нас века...
Но было и такое,
когда солдатская щека
к щеке ребёнка прикасалась
и водопадное «Ура!»
неслось!..
Тогда земле казалось,
при сочетании сердец –
такого сильного и такого слабого:
мир – победит, войне – конец.
Тому свидетели – небо синее
и радуги зовущей арка
над распластавшейся рекой.
А мальчик хрупкою рукой
из века в век одно рисует:
солдата, что собой рискует,
и дом с тем дымом над трубой,
который хлебом пропитался...
Ещё такой рисует бой,
где наш солдат живым остался!

Вольдемар ШПААР

ФРОНТ

Волос его упрямо
выбился из-под кепки.
«Чёрт бы эту работу
побрал!»
В пень с размаху
всадил он топор.
Снег тайги
под ногами его скрежетал.

Закурил и присел
на срубленное дерево,
чубом рыжим
сквозь дым сверкая.
«Поменять бы на фронт этот лес!»
Он злился,
поджигателей войны проклиная.

С треском падали
в снежной пыли деревья.
Удар за ударом.
Горели руки от топора и пил.
По пояс в снегу
пиляли мы и рубили.
И здесь, в таёжном лесу,
шла битва
изо всех человеческих сил.

Перевод Ф. Яновской

НАШЕ ОРУЖИЕ

Мороз свиреп.
В снегах искристых, вязких
берёзы тонут – кроны лишь видны.
От плена снежного мы их по-братски
освободим...
И, прежде чем
по самой первой жахнуть,
вольны, помедлив,
с тихой грустью ахнуть:
– Ну до чего ж прекрасны
и стройны!
И высоки!..
И звончата!..

А ветер жжёт лица,
кровь и душу леденит.
И никуда не спрятаться,
не деться...
Но память
о стране босого детства
и здесь нам светит,
в души светит и глядит
и греет, как, бывало, у груди
нас наши мамы грели...
И дружнее взлетают топоры.
И стон окрест...

Стране сегодня –
что всего важнее! –
нужны от нас для фронта
позарез
надёжные ружейные приклады,
и потому выносливый и ладный
и звончатель
мы выбрали лес.

И вместе с ним –
безмолвным и безлистным –
безмолвно застывают на снегу
и те из нас,
кого свалил недуг.

Но падают берёзы
в снег искристый,
и каждая из них
как будто выстрел,
наш выстрел по заклятому врагу...

Перевод В. Казакова

Марк ЮДАЛЕВИЧ

НАЧАЛО

Я помню самое начало –
июньский день и тишина,
и даже радио молчало...
И вдруг – война!
И всё в её тяжёлой власти
и ей одной подчинено,
и всё на свете на две части
июньским днём разделено:
что было до него и после,
и горизонт горел в крови,
и далеко во чистом поле
кипели первые бои.
И как удары ножевые,
каким до сердца путь прямой,
врывались в глубину России
бумаги с чёрною каймой.
И город наш под летним небом
стоял суров и небогат.
Стояла очередь за хлебом
и очередь в военкомат.

* * *

Позёмка вьётся как змея,
а кто ползёт по льду?
Совсем не я, совсем не я –
у смерти на виду.
А пули – вжик, а пули – вжик,
опасен их полёт.
Предсмертный стон и дикий крик...
И вдруг команда:
– Взво-о-од!
И вот бойцы встают, встают...
Прощай, шершавый лёд,
уют последний и приют...
– За Родину, вперёд!
А пули – вжик, а пули – вжик...
А взвод бегом, бегом...
Кто добежит, тот добежит,
и – грудь на грудь с врагом.
Ваш крестный путь ещё далёк,
окопные друзья.
И с вами юный паренёк,
не я, совсем не я.

* * *

Когда мы жили – не тужили,
встречаясь в день помногу раз,
мы очень мало дорожили
всем тем, что дорого для нас.
Война учила нас жестоко,
кропя снежинками виски,
теперь, когда друзья далёко,
мы знаем, как они близки.

А воинские эшелоны
такие сделали концы,
что нас не сыщут почтальоны –
судеб упорные гонцы.
А сыщут... Что ж, и это было:
«Погиб от раны пулевой».
Был друг. И даже нет могилы.
Лишь номер почты полевой.

МЕДАЛИ

Долго девушка глядела –
у танкиста грудь горит.
– За какое ж это дело
награждали? – говорит.
Указав на две медали,
он нашёл ответ один:
– За Москву вот эту дали,
а вот эту – за Берлин.
И немножечко поспешно,
но солидно заключил:
– Остальные все, конечно,
по дороге получил.

БЫЛОЕ, НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Расскажу строкою незаёмной
о далёком времени, когда
белым днём, суровой ночью тёмной
шли на запад наши поезда.
Отсыпался я на средней полке,
как проснусь – в окно глядит звезда,
и не знал, не ведал даже толком,
сколько дней мы ехали туда.

Сколько дней мы мчались из Сибири,
но одно стояло в голове,
что войска фашистов подходили
к сердцу нашей Родины – Москве.
И не думал я: живым останусь
или доведётся в землю лечь,
лишь копилась ненависть и ярость,
чтоб Москву от немцев уберечь.

Лишь об этом наши мысли были.
И, полны заботою одной,
ехали солдаты из Сибири,
чтобы под Москвою встать стеной.

У БАРНАУЛЬСКОГО МЕМОРИАЛА

Я трепетно читаю имена.
Вот сверстники.
Я здесь встречаюсь с ними.
Война, война!.. Оставила она
моих годков навечно молодыми.
Кто был на ней,
на той войне большой,
тот знает –
пусть не писано в уставах, –
как часто гибли чистые душой,
как в самых лучших
целил град кровавый.
Ведь лучшие извечно рвутся в бой
и под огнём стоят, как будто кряжи,
готовые принять любую боль,
плечо подставить под любую тяжесть.
Вокруг сверканье Вечного огня,
волнует ветер золотое пламя,
колышет, рвёт...
Пусть будет у меня
о прошлом так же беспокойна память.
Пусть будоражит, воскрешает пусть
дороги, переправы, пепелища...
Пусть не щадит,
порой наводит грусть,
но делает отзывчивее, чище...
Пускай хранит окопные черты
святого братства, нашего богатства,
и ограждает нас от пустоты
и прочего ненужного балласта.
...Я трепетно читаю имена.
Вот сверстники.
Я здесь встречаюсь с ними.
Война, война!.. Оставила она
моих годков навечно молодыми.

* * *

Отгремели грозные сраженья,
и с годами появилось кредо:
немцы одержали пораженье,
потерпели русские победу.

Что же, пусть с ехидною ухмылкой
это повторяют недоумки,
пыхтятся в своих беседах пылких
в интеллектуальных закоулках.

Только помнит наше поколенье,
как, смирясь с позором и бедою,
вся Европа встала на колени
перед бронированной ордою.

И тогда-то лишь одна Россия
поднялась и – грудь на грудь с врагами.
Годы шли, кровавые, лихие,
дрогнули арийцы перед нами.

Мы разбили их в сраженьях гулких,
мир спасли от нечисти фашистской,
в том числе и этих недоумков
вместе с их иронией нечистой.

Станислав ЯНЕНКО

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Памяти отца

Снова юность, уже издалёка,
нереальная, будто мираж,
так пронзительно и высоко
заведёт этот памятный марш.
Сколько было вокзалов, причалов!
Та военная медь без конца,
торжествуя громово, встречала,
проводила и рвала сердца.
Этот марш, и бравурный, и строгий, –
и конец, и начало в судьбе.
Как он лихо ведёт по дороге,
как печалится он о тебе!
Там, где нет даже памяти места,
на суровых дорогах земли,
это слово военных оркестров
для любого конца сберегли.
А ударят урочные склянки,
ни слезы не уроним из глаз.
И высоким «Прощаньем славянки»
повстречает прошедшее нас.

ГОД 1941

А когда смеркаться стало,
из забоки
вдоль плетней
пастухи прогнали стадо
и стреножили коней.
В летней кухне печь топили,
вечеряли,
как вчера,
молоко парное пили...
По стеклу ползла пчела...
А потом детей раздели.
И сидели у окна.
А потом уснули дети.
А потом
была
война.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Нынче Девятое мая –
мирные времена.
Только зачем это мама
грустно глядит на меня?
Мама, сегодня не надо.
Слышишь, салюты гремят?
Видишь красивых и ладных
послевоенных ребят?
Видишь, тебе замаячили
флаги со всех этажей?
Послевоенные мальчики
нынче – мужчины уже.
Значит, судьба нам – не мачеха,
небо над нами – синей.
Послевоенные мальчики
сами растят сыновей.
Значит, дороги немалые
нам на веку суждены.
Всё будет здорово, мама,
если не будет войны.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Николай БАЖАН. Сосед	5
Николай БАЙБУЗА. В Берлине	6
Надежда БАЛАКИРЕВА. В День Победы	7
Владимир БАШУНОВ. 22 июня 1975 года	9
Фридрих БОЛЬГЕР. Я не щадил себя	11
Поющие лошади	12
Михаил БОРИСОВ. «Всё позади – земля в огне и дыме...»	13
«Представь себе хотя бы на мгновенье...»	14
«Мне бы кричать об этом...»	15
«Сорок третий горечью полынной...»	16
«Переправа. Сорок пятый год...»	17
«Память с нами не играет в прятки...»	18
«Последние метры – последняя ярость...»	19
«Отпусти меня, боль...»	20
«Вы со мною, скептики, не спорьте...»	21
В воинской части	22
Геннадий ВОЛОДИН. Ничего не случилось	24
Ветераны	25
Василий ВОЛОХ. После боя	26
«В тот горький час, хоть были по соседству...»	27
Алексей ВЛАСОВ. Мой дедушка	28
Я – солдат!	29
«А деды наши не поют...»	30
Мария ВОРОБЬЁВА. Танцплощадка восьмидесятых	31
Лебеда	32
Николай ГАЙДУК. Довоенный портрет	33
Фронтовик, похороненный заживо	35
Виктор ГАЛКИН. Воспоминания о войне	36

Александр ГУСЕВ. Высотка	38
«Он лежал, зажимая раны...»	39
«Будь проклята разведка боем!...»	40
Танкисты	41
Маме	42
«Траншея, взрытая снарядом...»	43
В поле	44
«Мы потому не носим ордена...»	45
Евгений ЕРМАКОВ. День Победы	46
Леонид ЕРШОВ. «Победа! Бравурные марши...»	47
Иван ЖДАНОВ. Гора	48
Геннадий ЖИРОВ. «Мне дни войны запомнились немножко...»	50
«Я с мамой напросился на базар...»	51
Ольга ЗАЕВА. Отец	52
Александр ЗУЕВ. Под музыку оркестра	53
Воспоминание из детства о солдатском кулеше	54
Читая фронтовые письма	55
Владимир КАЗАКОВ. Солдаты остаются на войне	57
Саночки-салазочки	59
Памяти печаль	61
Любовь КАЗАРЦЕВА. День Победы	62
Лик Победы	63
Борис КАПУСТИН. Такая долгая война	64
Военные журналы	65
В День Победы	66
Госпиталь инвалидов войны. Ночь на 22 июня 1985 года	67
Кулундинская баллада	68
«Соседа сделаю героем...»	69
Борис КАУРОВ. Сны	70
На новой границе	71
Евгений КАШИРСКИЙ. Так будет	72
«Из рощицы, что с Волгой рядом...»	73
Людмила КОЗЛОВА. Странница войны	74
Отец	75
Сергей КЛЮШНИКОВ. Просьба	77
«Я в братских могилах не раз похоронен...»	78
«Они и нынче, уйдя, живут...»	79
«Война, война, далёкая война...»	80

Владислав КОЗОДОЕВ. Возвращение	81
Солдаты	82
Владимир КОРЖОВ. Память	83
Рассказ узника концлагеря	84
«Отец с сорок первого был на войне...»	85
9 Мая	86
Людмила КОРОТКИНА-СНЕЖЕНЬ. Мой дед	87
Воспоминание о неизвестном	88
Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ. Заводские стены	89
«Не всем легко о детстве вспоминать...»	90
Скрипач	91
Мои отец и мать	93
«Никогда я не был на войне...»	94
Фотография	95
Владимир КОСАРЕЦКИЙ. Весна сорок пятого	96
Валерий КРЮЧКОВ. «Мы придём на именины...»	97
Василий ИСАЕВ. «Лежит граната на груди...»	98
«Под утро всполохи зари...»	99
Николай ЛАКТИОНОВ. «Ещё война не позабыта...»	100
«То, что было с народом, мы знаем...»	101
Владимир ЛЕОНТЬЕВ. Письма горя	102
Наследство	103
Отец и брат солдата	104
Юрий МАЛЫХ. Диптих	105
«Пол синью нелёгкого свода...»	106
Вечернее чтение	107
Леонид МЕРЗЛИКИН. За столом	108
Люба Журавлёва	109
Табак	111
Николай МИХЕЕВ. Фронтовые будни	112
На улицах Ржева	113
«Подниматься в атаку надо...»	114
Страх	115
Михаил МОКШИН. Погоны	116
Доброта	117
Иван МОРДОВИН. Другу детства	118
Бабушка	119
На родине	121

Василий НЕЧУНАЕВ. Дядя Коля	122
В бывшей деревне	123
Танк	124
Песня о русском духе	125
Команда	126
Валентина НОВИЧИХИНА. Месяц май	127
Триптих	128
Геннадий ПАНОВ. Сладкий пряник	129
День Победы	131
Дед Сысои	132
Игорь ПАНТЮХОВ. «Катюша»	133
Наше летоисчисление	134
Вечный бой	136
На фронт	137
В походе	138
Баллада о шагах	139
Обращение к ветеранам	143
Михаил ПРОКОПЧУК. Память	144
Ледянка	145
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Реквием. Поэма	146
Георгий РЯБЧЕНКО. Эвакуация из детства	165
Баллада о солдате	166
Допрос	168
«Гляжу на Днепр. Днепровская вода...»	170
Александра САДЫКОВА. Два плача	171
Владимир СЕРГЕЕВ. Когда отступал мой отец.....	172
Рассказ Анастасии Васильевны	174
Будет день	175
О героях	176
«Сошлось всё село в годовщину Победы...»	177
Валерий СЛОБОДЧИКОВ. Отец, мы сравнялись годами	178
Владимир СОКОЛОВ. Окна	179
Алексей СОТНИКОВ. В окопах	180
Регулировщица	182
К портрету с фронта	183
Борис СТУКАЧЁВ. Первый бой	184
Матери	185
Батя	186

Валерий ТИХОНОВ. Встреча ветеранов	187
Эпизод	188
Сергей ФИЛАТОВ. Контуженный	189
На рыбалке	190
Евгений ФИЛОНЕНКО. Дорога за окопицу	191
9 Мая	193
Григорий ЧАРИКОВ. Живая вода	194
Сергей ЧЕПРОВ. День Победы	195
Фронтовик	196
9 Мая	197
Город-герой	198
Николай ЧЕРКАСОВ. Панфилово	199
Вдовий крик	201
Военная фотография	202
Шёл по улице солдат	203
Пели солдатки	204
«Помню военное лето...»	205
Плясали бабы	206
Дмитрий ШАРАБАРИН. День Победы	207
Баллада о Зорьке	209
Песня	211
Ветеран	212
Солдат	213
Психическая атака	214
Слово Сергея	216
Виталий ШЕВЧЕНКО. Память со вздохом	217
«Ещё мальчишкой видеть мне пришлось...»	218
Мои одногодки	219
Сорок первый	221
«Надежды живут и в аду...»	222
«Когда земля от ран стонала...»	223
«Погибших всё явственней вижу...»	224
«За взрывом – взрывы...»	225
Идалия ШЕВЦОВА. Надежда	226
«День Девятое мая...»	227
Трептов-парк	228
Вольдемар ШПААР. Фронт	229
Наше оружие	230

Марк ЮДАЛЕВИЧ. Начало	232
«Позёмка вьётся как змея...»	233
«Когда мы жили – не тужили...»	234
Медали	235
Былое, незабываемое	236
У барнаульского мемориала	237
«Отгремели грозные сраженья...»	238
Станислав ЯНЕНКО. «Прощание славянки»	239
Год 1941	240
День Победы	241

Литературно-художественное издание

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЁТ

Поэтическая антология

Редактор-составитель – В. Е. Тихонов.

Набор, корректура – О. В. Тихонова.

Вёрстка – С. В. Самошкина.

Художественное оформление – А. А. Карпов.

Технический редактор – Е. П. Красуля.

Гарнитура ThamesC.

Печать офсетная.

Сдано в набор 17.02.2010.

Подписано в печать 30.03.2010 г.

Формат – 60x80 $\frac{1}{16}$.

Усл. печ. л. 14,41.

Бумага офсетная.

Тираж – 500 экз.

Заказ 3399.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Алтай»:
656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.